

"Его пламенное сердце"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Оливия Гейтс

Его пламенное сердце

Глава 1

Дьявол собственной персоной пожаловал на похороны ее отца.

Хотя Селена Лувардис не раз слышала, что называть Аристидеса Сарантоса дьяволом — означало обижать последнего.

Аристидес Сарантос. Этот безвестный бедняк, выросший на набережной Крита, превратился в важную персону и приобрел себе громкое имя в судостроительной промышленности и не только. Его имя произносили с благоговением, с его мнением считались. Аристидеса Сарантоса боялись.

Все, кроме ее отца.

На протяжении десяти лет, с тех пор как ей исполнилось семнадцать, ни одной недели не проходило без того, чтобы Селена не слышала о новой стычке в продолжительной войне между ее отцом и его тогда еще двадцатисемилетним противником. Человеком, которого ее отец надеялся однажды сделать своим союзником, но который превратился в его злейшего врага.

Теперь с войной покончено. Ее отец мертв. Если ее братья не объединятся, Аристидес Сарантос в скором времени поглотит империю, построенную ее отцом. Если каждый из них и дальше будет продолжать тянуть одеяло на себя, Аристидес без труда одержит над ними верх.

Его приход на похороны потряс Селену. Когда они приехали на кладбище, он уже был там. Аристидес держался в стороне. Полы его черного пальто развевались подобно крыльям огромного ворона или измученной, пойманной в силки душе.

Она подумала, что он уйдет после того, как тело предадут земле. Но он последовал за траурной процессией в их поместье. На пороге Аристидес остановился и осмотрелся, как генерал на поле битвы, а потом шагнул внутрь.

Селена с замиранием сердца смотрела, как толпа сжималась, уступая ему дорогу. Аристидес был очень красивым мужчиной. Множество женщин свидетельствовали Селене, какими неотразимыми были ее братья. Но лично ей казалось, что они не обладают и толикой того влияния, беспощадной харизмы и скрытой угрозы, которые в избытке имелись у Аристидеса. Этот мужчина показался ей грозной волной, сметающей все на своем пути, неотвратимой, притягательной и непреодолимой.

Ее братья сурово смотрели на его приближение, в их взглядах читалась сдерживаемая враждебность, копившаяся в их сердцах целое десятилетие. Селена испугалась, как бы Дамон, самый младший из трех ее старших братьев, не перехватил Сарантоса и не вышвырнул его из дома. Или не сделал чего-нибудь похуже.

Селена пришла в бешенство от такого поведения своих братьев.

Сейчас их чувства и мысли не имели никакого значения. Из уважения к отцу они должны были встретить Аристидеса, как подобает. Гектор Лувардис ни за что бы не отнесся к человеку, который ступил на его территорию, включая его заклятого врага Сарантоса, с такой угрюмой скрытой враждебностью.

Она собралась было сказать своему старшему брату Николасу, чтобы он вел себя, как положено новому главе семьи Лувардис, пожал руку этому человеку и выслушал слова соболезнования, как вдруг ее сердце замерло.

Человек, о котором шла речь, пристально смотрел на нее.

Селена застыла, чувствуя себя пленницей пронзительно-серых глаз Сарантоса.

Она не могла пошевелиться, мысли беспорядочно путались у нее в голове, пока она смотрела, как сокращается расстояние между ней и Аристидесом. Ей стоило немалых сил, чтобы снова взять себя в руки. Селена смутно осознавала, что все присутствующие в этом зале, не таясь, наблюдают за каждым движением Сарантоса, стора от любопытства и предвкушая, что будет дальше.

Аристидес подошел к Селене и остановился перед ней, заставив все вокруг замереть. Заставив ее почувствовать себя крошечной и слабой, каковой она никогда не была.

Она стояла, вытянувшись как струна на своих высоких каблуках, но все равно он по сравнению с ней казался великаном. Селена никогда не осознавала, что этот мужчина такой представительный и такой... потрясающий. И ведь он совсем не красавец. Нет, назвать его красивым было бы почти равносильно оскорблению. Сарантос был... единственным в своем роде. Он представлял собой неподдельную мощь и грубое мужское начало в одном флаконе. И то, что он обладал выдающимся умом, только усиливало его привлекательность. Но опять же, слово «привлекательность» не в полной мере отображало то сильное воздействие, которое Сарантос оказывал на Селену. Аристидес Сарантос не просто привлекал ее. Он заставлял дрожать каждую клеточку ее тела.

Селена подумала, что сейчас не самое подходящее время поддаваться лихорадочной страсти, которую она испытывала к нему с тех самых пор, когда впервые увидела его. Вскоре после той встречи она поняла, что надеяться ей не на что. И не потому, что Сарантос являлся заклятым врагом ее семьи, но потому, что ему не было никакого дела до других. Хотя она продолжала питать свою страсть, используя малейшую возможность, чтобы поймать его мимолетный взгляд.

Но никогда не стояла она от него так близко. Никогда не испытывала на себе его пристальный взгляд. Сейчас она могла видеть, что его глаза были похожи на расплавленную сталь, на бездонные водовороты...

Селена мысленно одернула себя, прокашлялась и выдавила:

— Мистер Сарантос. Спасибо, что пришли.

Он ничего не сказал в ответ и не пожал протянутую ему руку. Он просто стоял и смотрел на нее невидящими глазами. Селена быстро убрала руку и опустила глаза, скрывая смущение.

— Мне очень жаль, что он ушел.

Его мрачный, глубокий голос ударил по ее нервам и раскатистым эхом раздался внутри. Его слова не были мантрой «Примите мои искренние соболезнования», которую она слышала вот уже несколько часов подряд. Сарантос пришел не для того, чтобы предложить ей или кому-то другому из членов ее семьи свои соболезнования, настоящие или притворные.

Аристидес Сарантос пришел ради самого себя. Он на самом деле чувствовал сожаление по

поводу смерти ее отца. И она поняла причину этого.

— Вам будет не хватать ваших стычек, не так ли?

Он впился в нее взглядом, но ей показалось, что он смотрит сквозь нее, пытаясь понять свои собственные ощущения.

— Благодаря ему моя жизнь была... интересной. Мне будет не хватать этого.

И снова он сосредоточился на том, что значила смерть ее отца для него самого. Селену поразили его искренность и нежелание следовать правилам приличия, облакая мысли в политкорректные слова, приемлемые с точки зрения общества. Это заставило ее признать свой собственный эгоизм.

Возможно, однажды она подумает о том, что ее отец ушел из жизни слишком рано, будучи довольно крепким мужчиной в свои шестьдесят шесть лет. И задумается над тем, что в его лице потеряла вся ее семья и весь мир. Но сейчас Селена думала только о своей собственной утрате. О зияющей пустоте, которую оставила смерть отца.

После непродолжительной паузы Сарантос заметил:

— Он не болел.

Селена кивнула, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не заплакать. Она тоже не могла понять, как так случилось, ведь ее отец выглядел таким здоровым. Но Селена знала, что он никогда бы не стал говорить о своих недомоганиях, а сделал бы все возможное, чтобы их скрыть. И если бы он был даже смертельно болен, его родные ни за что бы не догадались об этом.

— И он умер вскоре после одиннадцати.

Ее отца нашли мертвым в своем кабинете в половине первого дня. Селена понятия не имела, откуда Сарантос узнал об этом.

Аристидес продолжил:

— В девять утра мой адвокат связывался с вашим отцом, чтобы согласовать дела, касающиеся одного из контрактов.

Селена знала об этом. Это она представляла интересы отца. Она перезвонила отцу и перечислила ограничительные и безжалостные условия контракта, которые тем не менее лично ей показались весьма привлекательными.

— В одиннадцать Гектор связался со мной.

Селена пошатнулась, услышав из уст Сарантоса имя своего отца. Если бы она не знала его лучше, она бы подумала, что тот говорит о своем друге.

— Он накинулся на меня, а потом бросил трубку. А через некоторое время он умер.

Прежде чем она успела что-либо сказать, он натянуто кивнул и развернулся, чтобы уйти.

Селена изумленно смотрела на его удаляющуюся фигуру, пока он не вышел за дверь.

Что это значило? Он пришел, чтобы сказать, что ее отец умер по его вине? Почему?

Но разве мог кто-нибудь объяснить причины поступков непостижимого Аристидеса Сарантоса?

Вместо того чтобы броситься за ним и потребовать объяснений, она осталась стоять на месте, пожираемая догадками и чувством неудовлетворенности. Ей казалось, что прошла вечность, прежде чем последний посетитель выразил свои соболезнования и за ним закрылась дверь. Наконец они остались одни.

Братья Селены занялись оставшимися делами, связанными с похоронами, а она, пошатываясь, вышла на улицу.

Нужно взять отпуск.

Селена забралась в машину и включила зажигание. Выехав за ворота, она увидела его.

Вокруг была кромешная тьма, а он стоял в стороне от уличных фонарей. Но она все равно узнала его.

Аристидес Сарантос. Подобно грозному стражу направил он свой взгляд на их поместье.

Ее сердце забилося от смущения, от любопытства. От волнения.

Почему он все еще здесь?

Она решила спросить его об этом и обо всем остальном. Сделав крутой разворот, Селена остановилась рядом с ним.

Ей показалось, что он не заметил ее, пока она не открыла окошко со стороны пассажира:

— Вы прибыли не на машине?

Прошло несколько секунд, прежде чем он оторвал свой взгляд от дома и посмотрел на нее. Сарантос едва заметно пожал плечами:

— Я отослал ее. Доберусь пешком.

Не думая, она открыла дверцу:

— Садитесь.

Он пристально посмотрел на нее. Потом медленно распахнул дверцу шире, и его мускулистое тело с легкостью и грацией леопарда опустилось на сиденье рядом с ней.

По ее телу пробежала дрожь, когда он слегка задел ее плечом. Сарантос устремил свой взгляд вперед и сидел так, не поворачиваясь. Селена понимала, что нужно сделать что-нибудь. Спросить адрес его гостиницы. Но его близость лишила ее сил. Мысли в ее голове перемешались. Что бы она почувствовала, если бы он...

«Прекрати сейчас же, идиотка. Тебе уже двадцать восемь лет. Ты деловая женщина, юрист, а не какая-то соплячка!» — одернула себя Селена.

Он сам уточнил адрес своей гостиницы, а потом снова погрузился в молчание, которое терзало ее и мучило.

До сегодняшнего вечера Селена считала, что Аристидес Сарантос — бесчувственный человек.

Через двадцать минут она подъехала к одному из фешенебельных отелей, в котором жил Сарантос. Насколько было известно, у этого человека, который мог позволить себе купить небольшую страну, не было собственного дома.

Аристидес открыл дверцу машины. Селена подумала, что он выйдет, даже не посмотрев на нее. Но он повернулся к ней, заставив ее сердце гулко забиться. Его взгляд был суровым и безжалостным.

— Спасибо. — Его голос прозвучал немного хриловато. — Увидимся на поле боя.

Он снова повернулся, чтобы выйти. Сейчас он уйдет и навсегда останется ее врагом. Она не позволит ему вот так уйти.

— Вы в порядке? — Селене непреодолимо хотелось взять его за руку, прикоснуться к его щеке, предложить ему... что-то.

Он остановился и снова повернулся к ней, бросив на нее вопросительный взгляд:

— А вы?

— А как по-вашему? — дрожащим голосом ответила она.

— Судя по всему, перекрестный допрос доставит нам облегчение.

Она тихо рассмеялась:

— По мне так заметно?

Его глаза потемнели.

— В данный момент да. Итак, я вас слушаю.

— Прямо здесь?

— Если вы не против. Или, если хотите, можем подняться ко мне.

То, как он произнес эти слова, заставило задрожать не только ее губы.

Аристидес взял ее руку в свою и крепко сжал:

— Когда вы ели в последний раз?

Он прав. Ее реакция была вызвана помимо всего прочего еще и низким уровнем сахара в крови.

— Вчера утром.

— Я тоже. Давайте чего-нибудь перекусим.

Следующие полчаса она позволила ему командовать собой. Они поднялись в его президентский номер, и Аристидес заказал первоклассный ужин. Селена смотрела, как он методично поглощает и пережевывает пищу. Такая методичность проявлялась у него во всем.

Ей казалось чем-то сюрреалистичным то, что Аристидес Сарантос проявляет заботу о ней. Еще

более диким было оказаться в его номере и не чувствовать никакой угрозы с его стороны. Она не знала, чувствовать ли себя польщенной, потому что он оказался таким джентльменом, или разочарованной, потому что он вел бы себя так по отношению к любой другой женщине.

Пужинав, он пригласил ее расположиться на диванчике и подал ей ее травяной чай. За ужином они почти не разговаривали. Она никак не могла взять себя в руки, а он то и дело терял нить разговора.

Сарантос остановился рядом с ней. В одной руке чашка с чаем, другая в кармане брюк. Его взгляд был обращен внутрь. А потом он вдруг заговорил:

— У нас было столько стычек, что не сосчитать. Но последняя отличалась от всех предыдущих. Я не узнал его. Это больше походило на какую-то высокопарную тираду.

Что двигало им? Вина? Он способен испытывать подобные чувства? Ее отец был абсолютно уверен, что Аристидес не имеет ничего человеческого.

— Вы считаете, что оказали на него слишком сильное давление, — тихо сказала Селена, — что привело к его смерти?

Он, покачав головой, тяжело вздохнул:

— Думаю, он сам загнал себя. Он хотел во что бы то ни стало помешать мне победить или на худой конец не оставить меня безнаказанным за эту победу.

— Вы все еще чувствуете себя в ответе за произошедшее, — заявила Селена.

Он не стал возражать.

— Я никогда не мог понять причину его вражды. Мы не были конкурентами, ведь работали в сферах, которые соприкасались друг с другом. Мы должны были стать союзниками.

— Именно так он однажды и сказал.

Это стало для Сарантоса новостью. Он разволновался, и его лицо еще больше помрачнело.

— Но он слишком предвзято относился ко мне и к моему происхождению, чтобы протянуть мне руку дружбы.

— Мой отец не был снобом, — ледяным тоном возразила Селена.

Он пожал плечами, не обращая внимания на ее возмущение.

— Он вряд ли бы назвал это снобизмом. Некоторые вещи сидят слишком глубоко в человеке, рожденном в Греции. Но откуда вам знать об этом. Вы ведь родились здесь, в Америке.

— Может, вы и правы. Я больше американка, чем гречанка. Но мой отец оставался греком. Я уверена в этом.

— Правда?

Этот вопрос окончательно вывел ее из себя. Она выпрямилась и всем своим видом постаралась показать ему, как он ее разозлил:

— Я была не только его дочерью. Но и его помощницей, а потом его бизнес-партнером.

Он удивленно воскликнул, и в его голосе слышалось что-то опасное и дикое. Но это удивление не отразилось на выражении его лица. Впервые за все это время он по-настоящему посмотрел на нее, как будто вдруг осознал, что он не один.

— В его рядах появился достойный боец. Мне пришлось потрудиться, чтобы выбраться из всех ловушек, которые вы расставили во время последнего тура наших так называемых переговоров.

Ее бросило в жар. Селена была уверена — они добьются от него того, что им было нужно. Его команда юристов, лучшие из лучших, оказалась в безвыходном положении. Но только не он сам.

— Вы все-таки нашли выход, — облизала пересохшие губы Селена, вспомнив, как огорчилась тогда. И как напряженно принялась выстраивать новые препятствия на его пути.

Он едва заметно улыбнулся, пытаясь растопить безжалостность своих властных губ:

— Это оказалось весьма непростым делом.

Она чуть не вздрогнула, встретив его жаркий, пронзительный взгляд, который всегда волновал ее, когда они встречались на поле боя. Ее возбуждала их дуэль, даже когда она велась дистанционно с помощью различных юридических уловок. Она выиграла примерно столько же боев, сколько и проиграла. Так было до последнего раза, когда она почувствовала, что он наконец вычислил ее тактику и теперь ей уже никогда не одержать над ним победу...

Вдруг Сарантос поставил свою чашку на стол и вплотную приблизился к ней. Когда он остановился, его ноги почти касались ее колен.

Она чуть не упала от его взгляда, жаркого от восхищения и такого вызывающего, который всецело был направлен на нее.

— Вы молодец. Лучшая из тех, кто пытался встать на моем пути. И вы дорого обошлись мне. Но в конечном итоге всегда выигрываю я. Я старше вас на десять лет и обладаю столетним опытом и хитростью. В отличие от вас я выучил закон с одной целью — научиться играть грязно, но выходить из игры чистым.

Селена насмешливо хмыкнула:

— И после этого вы не понимаете, почему мой отец относился к вам с неприязнью.

— Теперь понимаю. Но это не значит, что я принимаю это. Он мог бы использовать мои способности. Я мог дополнить его.

— Его взгляд на бизнес был диаметрально противоположен вашему.

— Поэтому мой неправильный и низкий?

— Вы стремитесь к успеху любой ценой.

— На этом строится бизнес.

— Вы привносите свой лозунг «бизнес есть бизнес» в сферы далекие от самого бизнеса. Мой отец так не поступал.

— Согласен.

После этой словесной перепалки повисла гнетущая тишина. Когда она стала совсем невыносимой, Селена решила затронуть другую сердечную рану:

— Я слышала о вашем брате.

Пять дней назад его младший брат погиб в автокатастрофе. Она не думала, что это возможно или даже приемлемо для нее, дочери его врага, сказать ему слова соболезнования, не говоря уже о том, чтобы прийти на похороны.

Аристидес присел рядом с ней на диван. Прикосновение его бедер обжигало даже через ткань брюк. Его глаза превратились в два сверкающих молниями урагана.

— Ты тоже собираешься сказать, что тебе жаль, что он ушел? — проскрежетал он.

Она покачала головой:

— Помимо простого человеческого сожаления по поводу смерти кого-то такого юного у меня нет личных причин для скорби. С вами дело обстоит по-другому. Вы знали моего отца. И я могу предложить вам только искренность, которую вы в свою очередь предложили мне, когда не стали притворяться, что сожалеете о моей утрате. Могу сказать только то, что я чувствую на самом деле. Я соболезную вашему горю.

Внезапно он обхватил ее за талию.

Она беззвучно ахнула, оказавшись прижатой к его мускулистому, словно сделанному из стали телу. Сарантос посмотрел ей в глаза, которые говорили о том, что он собирается делать, и требовали от нее подчиниться. Затем он жадно впился в ее губы.

Его поцелуй становился все глубже. Теряя остатки контроля, Селена отдалась удовольствию и возбуждению, которое загоралось в ней с новой силой.

Это было подобно прорыву шлюзов. Она тонула под напором его дикой страсти и его желания подчинить ее себе. Его руки с жадностью набросились на ее тело, не прекращая ласкать его, пока Селена не выгнулась и не прильнула к нему, умоляя о чем-то, не зная, что предложить, кроме полной и безоговорочной капитуляции.

Ее тело горело огнем. Дрожа как в лихорадке, Селена сжала руки Сарантоса, и он уступил ее мольбам. Аристидес высвободил ее блузку из-под брюк и расстегнул бюстгальтер, освобождая ее набухшие от желания груди. Селене казалось, что она умирает. Она тихо застонала:

— Пожалуйста...

Он внимательно посмотрел ей в глаза, которые говорили о том, что она готова отдать себя ему, готова отдать свое тело, чтобы он делал с ним все, что захочет...

Но как она могла? Это ведь Аристидес Сарантос. Враг ее семьи. Ее враг.

— Скажи «нет», — простонал Аристидес, опрокидывая ее на диван, впившись поцелуем в ее шею. — Скажи мне остановиться. Если ты не скажешь этого, я тебя растерзаю.

Ее потрясение от его угрозы тут же растаяло. Она была уверена в одном.

Она не скажет «нет». Она не вынесет, если он остановится.

— Я не могу этого сказать. Я не хочу.

— Тогда скажи, чтобы я не останавливался. Скажи мне...

Селена почти задышалась. У нее в жизни был всего один мужчина. И они занимались сексом раза три, если быть точной. И это было несколько лет назад. Но если бы кто-то увидел ее сейчас, он бы подумал, что она мастер в таких делах, как случайные связи.

Но ей было на все наплевать. Она сгорала от желания. Она хотела этого мужчину. Чувствовала, что сойдет с ума, если он не...

Сарантос снова прильнул к ней, лаская ее и доставляя удовольствие, которого она так желала.

Он хищно набросился на ее одежду и дико рычал, высвобождая по чуть-чуть ее тело и завладевая им. Его напористые пальцы попытались расстегнуть молнию на ее брюках, но волнение было слишком велико, и молния, не выдержав напора, разорвалась.

— Юбки, сокровище мое, носи юбки...

Селена тихо рассмеялась. Она не носила юбки с тех пор, как окончила школу.

Она изогнулась от возбуждения и смущения, когда он обнажил ее ноги, сжал их со всей своей грубой силой, раздвинул тяжестью своего тела и прижался своей возбужденной плотью к ее влажной сердцевине. Она воскликнула от предвкушения и... страха.

Если ее сердце уже сейчас выскакивало из груди, что будет дальше, если Сарантос продолжит свои ласки и овладеет ей?

Затем он опустился на колени между ее ног, покусывая нежную кожу на ее бедрах, оставляя следы, которые тут же исчезали, но ей казалось, что они останутся там навсегда как знак ее принадлежности этому мужчине.

— Прекрасно, великолепно... — Сарантос стянул с нее трусики и раздвинул ей ноги. Не дав ей опомниться, он погрузил пальцы в ее жаркое лоно.

Она воскликнула раз, потом еще раз, когда почувствовала его горячие губы и язык, прильнувшие к ее возбужденной сердцевине. Рыча от удовольствия, он посасывал ее нежную плоть.

Селена чувствовала, что вскоре окажется наверху блаженства, но ей хотелось большего. Ей хотелось соединиться с Сарантосом и вместе достичь пика наслаждения.

Она прошептала:

— С тобой, пожалуйста... я хочу, чтобы ты наполнил меня...

В его глазах бушевал огонь. Он поднялся и сбросил с себя одежду. Не дав Селене прийти в себя от потрясения, которое она испытала, увидев его огромный пенис, Сарантос притянул ее к себе за ноги и обвил ими свою талию. Он прикоснулся к ее доведенной до иступления плоти и со всей силой вошел в нее.

Селена изогнулась, переживая острое наслаждение и желая только одного — принять его

всего, вместить его, чтобы забыть все свои страдания и боль потери. Она смотрела в его глаза и испуганно шептала, чтобы он не останавливался. Никогда.

Ее мольба перешла в крик невообразимого наслаждения.

Они слились в одно целое. Все вокруг перестало существовать. Вселенная взорвалась миллиардами звезд. Все потеряло смысл, кроме его близости. Селена наслаждалась тяжестью его подрагивающего тела и жаром, который он изливал у нее внутри.

Она не могла поверить случившемуся. Она нашла утешение в руках человека, который мог бы нанести ей новые сердечные раны, заставив забыть о боли недавней утраты.

Это было реальностью.

Она занималась любовью с Аристидесом Сарантосом.

Но ее тело, содрогаясь от полученного оргазма, кричало о большем.

Как будто услышав ее стенания, Сарантос приподнялся на вытянутых руках и посмотрел на нее.

Она боялась поднять на него глаза.

Что она увидит в его взгляде? Отчуждение? А может, презрение или отвращение?

— Дорогая моя, судя по всему, ты не только лицензированный юрист, но и лицензированное оружие. Ты запросто можешь прикончить любого мужчину.

Селена несмело посмотрела на него и чуть не расплакалась. Все ее страхи были напрасными, его глаза горели страстью и обожанием. С чувством благодарности она погрузила пальцы в шелковистую гриву его волос и, притянув его голову ближе, дрожащими губами поцеловала эти невероятно красивые глаза.

Аристидес замер, позволив ей проявить свою нежность.

Она взволнованно вздохнула, когда снова встретилась с ним взглядом. Выражение мимолетного удовлетворения исчезало под напором заново пробудившегося желания.

Она тяжело задышала, почувствовав, как он растет у нее внутри, изогнулась и, крепче обхватив его бедрами, выдохнула:

— Непохоже, чтобы я тебя... прикончила.

— Я далек от этого. Если ты знаешь, на что напрашиваешься.

— Я хочу узнать.

Он устремился к ней, страстно прижавшись к ее губам. Селена наслаждалась его животной чувственностью.

— Запомни, ты сама даешь мне право овладеть тобой, делать с тобой все, что угодно.

Она еще сильнее прижалась к нему. Ее губы дрожали:

— Да. Все, что хочешь...

Сарантос сорвал с нее блузку и прильнул к ее обнаженному телу, заставив Селену стонать, когда он целовал ее груди и покусывал ее соски. Она чувствовала, как с каждым его прикосновением возрастает пульсация внизу ее живота.

В этот раз Аристидес не торопился.

Ее переполнило отчаянное желание.

— П-пожалуйста...

И он услышал ее. Их тела задвигались в бешеном темпе, пока она не забилась в экстазе, выжимая каждую каплю его собственного оргазма.

На этот раз она потеряла сознание. Она была в этом уверена, потому что пришла в себя рывком. Открыв глаза, она увидела Аристидеса, который лежал рядом с ней на полу, где состоялась их последняя дуэль, и, приподнявшись на локте, ласкал ее грудь и низ живота.

Когда она встретилась с ним взглядом, он прижал ее к себе и без труда поднялся на ноги со своей потерявшей от удовольствия голову ношей.

Когда они вошли в ванную, он поцеловал ее ушко, заново пробудив ее чувства своим прикосновением, а потом своими словами:

— Теперь, когда мы слегка утолили голод, я растерзаю тебя по-настоящему.

* * *

Селена, крадучись, собирала одежду, разбросанную по спальне.

Эти вещи Аристидес заказал ей вместо тех, которые он разорвал на ней в пылу страсти. Это случилось два дня назад.

Каждый раз, когда она думала, что пора заканчивать их страстную дуэль, он останавливал ее, доводя до иступления. Закончилось тем, что она осталась с ним на выходные.

Сейчас впервые за эти два дня и две ночи она проснулась, пока он еще спал.

Он лежал на спине. Селена любовалась его мощным телом, которое доставило ей столько наслаждения. Ее сердце болезненно сжалось. Ей хотелось броситься к нему и свернуться калачиком у него под боком.

Но она не могла. Теперь, когда она находилась вне его объятий, ее охватило чувство потерянности.

Селена не знала, что делать дальше. Поэтому решила уйти.

Он сам должен показать, что их ждет в будущем.

И Аристидес Сарантос показал. Не при личной встрече, а через центральные газеты.

Селена несколько раз перечитала заголовок, который гласил: «Сарантос покидает Америку»

после короткого делового визита».

Вот какое будущее их ждало. Уехал. Прочь. Даже не попрощавшись.

К горлу подступили слезы.

Какая же она дура. Как она могла подумать, что все кончится по-другому? Потому что у них были два дня и две ночи великолепного секса?

Но он ведь был таким потрясающим...

Стоп. Нечего себя обманывать. Сарантос просто оправдал свою репутацию перфекциониста и завоевателя.

И он просто получал удовольствие, которое никак не было связано с ней.

Он ни разу за все время не назвал ее по имени.

Она добровольно стала для него средством избавления от того хаоса, в котором он находился. Но она нашла в нём то же самое, то утешение, в котором так нуждалась. Он был последним человеком на Земле, с которым она должна была вступить в связь, которая от этого становилась только острее и рискованней, сводя на нет всю горечь, скопившуюся в сердце Селены.

Теперь он исчезнет из ее жизни, и все вернется на свои места. С одной только разницей. Она наследует роль своего отца в качестве противника Сарантоса.

Что бы между ними ни произошло, все осталось в прошлом.

Как будто никогда и не случилось.

Глава 2

Восемнадцать месяцев спустя...

Аристидес стоял перед поместьем Лувардисов, переживая дежавю. Он снова возвращался в тот роковой день, который имел место почти два года назад.

Он не мог поверить, что с тех пор прошло столько времени. Его охватило противоречивое чувство, как будто это случилось вчера, но вместе с тем в другой жизни.

Хотя скорее это был не один день, а целая неделя ударов, которые сыпались на него один за другим, закончившаяся сумасшедшими выходными с Селеной Лувардис.

От волнения у него перехватило дыхание. Он не мог забыть ту страстную лихорадку, которая владела им два дня и две ночи и закончилась абсолютным ощущением полноты и покоя и почти абсолютной потерей памяти. Проснувшись, он не помнил ничего о себе, о своей жизни, только проведенное с ней время, наполненное безудержным и безумным желанием.

Так было, пока он не понял, что она ушла. Сейчас при воспоминании об этом его тело снова сковало оцепенение.

Тогда его изумление, чувство потери и даже злость были притворными. Аристидес долго думал, что же он испытал на самом деле. И в конце концов решил, что это было чувство

облегчения.

Она избавила его от принятия решения по поводу их временного помешательства. Их связь была случайной и необычной. Как другие пускаются в опасное предприятие, они набросились друг на друга, чтобы убежать от непереносимой боли.

Судя по всему, она решила, что будет лучше, если они оставят все, как было: останутся по разные стороны баррикад и забудут, что однажды были любовниками.

Аристидес боролся с желанием оспорить ее решение. Но потом сдался и подумал, что так будет лучше всего.

Уважая ее невысказанное соглашение о признании их отношений недействительными, он с тех пор держался подальше от Америки. Аристидес боялся, что при личной встрече с ней он потеряет над собой контроль.

Но как это бывает, именно она заставила его не появляться в Штатах, а теперь стала причиной его возвращения.

Он готов был явиться без приглашения к Лувардисам. Только на этот раз это были не похороны, а званый вечер.

Его посредники и тайные агенты не сумели разрешить настоящую ситуацию, которая грозила верным провалом. Лувардисы не просто пытались загнать его в угол на переговорах. Они пытались выжить его из судостроительной промышленности, где он царствовал до этого безраздельно. Они не оставляли сомнений, что готовы принять крайне рискованные шаги для них самих, если только вместе с ними ко дну пойдет и он.

Поэтому приехать сюда было последним средством на пути разрешения конфликта. Сарантос хотел узнать, что движет братьями Лувардис. Ради их отца и Селены он собирался дать им шанс достигнуть компромисса, отступить, пока он не нанял тяжелую артиллерию и не уничтожил их.

Их последняя жестокая атака была лишена всякой логики, что заставило Аристидеса задуматься, не стояла ли за всем этим Селена. Но он прогнал эту мысль. Не он бросил Селену. Это она ушла от него.

Как бы там ни было, так или иначе он должен покончить с этим.

Аристидес прошел в ворота. Хорошо, что человек, который попросил у него его пригласительный билет, узнал его и не стал поднимать шум. Сарантос не знал точно, как ему удастся достигнуть своей цели, сэкономив как можно больше времени, и потом поскорее обратиться оттуда. На этот раз он намеревался больше никогда не возвращаться сюда.

Аристидес толкнул массивную дубовую дверь и оказался внутри. Он тут же почувствовал на себе любопытные взгляды присутствующих, которые прогуливались с коктейлями в руках и любовались убранством дома. Раздражение Сарантоса нарастало с каждым назойливым взглядом.

Нужно как можно быстрее найти кого-нибудь из клана Лувардисов.

— Ну, Сарантос, на этот раз у меня есть полное право вышвырнуть тебя за порог.

Николас Лувардис. Именно он сейчас занимает место у штурвала семейного корабля. Возможно, именно благодаря ему Сарантос никак не может договориться с Лувардисами. Чудесно. Аристидес предпочитал разбираться не с проблемами, а с их источником.

Он повернулся к человеку, которого пресса нарекла «вторым» греческим богом судоходного бизнеса:

— Лувардис. — Аристидес спокойно встретил нацеленный на него в упор взгляд Николаса, даже не думая о том, чтобы протянуть руку в знак приветствия, так как знал, что его жест останется без ответа. Но это пока. Он все равно положит конец этой войне, заставив Николаса Лувардиса пожать ему руку. — Я тоже рад тебя видеть.

Глаза Николаса превратились в две голубые льдинки.

— Сарантос, я советую тебе убраться отсюда подобру-поздорову. В противном случае многим из гостей будет что заснять на видео и продать это за весьма приличную сумму.

Аристидес грустно улыбнулся:

— Лувардис, немного рекламы мне не помешает. Но я слышал, что ты играешь на пианино. Стало быть, ты не станешь рисковать своими драгоценными ручками.

— Для твоей челюсти я сделаю исключение, — натянуто улыбнулся Николас. — Хотя, может, в этом и нет необходимости. Само твое присутствие здесь свидетельствует о многом. Оно на самом деле бесценно, потому что говорит о том, что ты напуган.

— Продолжай, — невозмутимо ответил Аристидес. — Наслаждайся этой захватывающей фантазией.

— Кто я такой, чтобы огорчить великого Аристидеса Сарантоса? — ухмыльнулся Николас, и Аристидес подумал, что, будь на его месте кто-нибудь другой, более впечатлительный, его душа ушла бы в пятки при виде этого волчьего оскала. — Я так понимаю, что ты собираешься стать самой влиятельной фигурой в сфере судоходства. И только одно стоит у тебя на пути. Компания «Лувардис энтерпрайзис».

— Лувардис, вы не единственная компания, которая занимается корабельным снаряжением.

— Но мы самые лучшие, — возразил Николас. — Если бы это было не так и у тебя был выбор, ты бы здесь не стоял.

— Эта улица с двусторонним движением, — ответил Аристидес. — Сейчас настало самое время объединяться с самыми лучшими. Вы можете быть самыми лучшими поставщиками корабельного и портового снаряжения, но мне нет равных в сфере корабельного и портового строительства.

Николас пожал плечами:

— Мы подыскиваем на это место кого-нибудь другого. Хочешь, поспорим, что, кого бы мы ни выбрали, он вскоре окажется вне конкуренции?

— Лувардис, здесь опять двустороннее движение. Кого бы ни выбрал я в свои партнеры, он тоже может оказаться в числе победителей. — Внезапно выражение лица Аристидеса стало серьезным. — Но мне бы не хотелось искать новых компаньонов. Можно узнать причину, по

которой вы пытаетесь вытеснить меня из дела? Даже ваш отец, который ссылался на «непримиримые противоречия» в бизнесе и моральных принципах, оправдывая свою конфронтацию по отношению ко мне, никогда не заходил так далеко, чтобы не брать меня в расчет при подписании какого-либо контракта. Нам всегда удавалось договориться и прийти к соглашению, которое устраивало нас обоих. Поэтому я хочу узнать, что происходит.

— Мой отец всегда старался вытеснить тебя из каждой важной сделки, которая касалась обеих наших сторон, — нахмурился Николас. — То, что он прогибался, не было результатом твоих переговоров. Его вынуждали к этому запуганные тобой акционеры и совет директоров. Но мы собираемся исправить ситуацию. Ты, Сарантос, связал нас по рукам.

Аристидес сделал шаг вперед:

— Ты говоришь так, как будто Гектор никогда не связывал по рукам меня. Это походило на какую-то игру. И я проиграл вам столько же, сколько выиграл. Особенно с тех пор, как в деле появился ты и твои... братья и сестра.

— Нас нанял отец. Могу сказать, что сделал он это с большой неохотой.

Аристидес напрягся, почувствовав в словах Николаса плохо скрываемую горечь. Значит, в семье Лувардис не все так чудесно, как ему казалось. Николас затаил на своего отца то же самое чувство обиды, которое испытывал в свое время Аристидес, за то, что Гектор не воздал должное его способностям и противился тому, чтобы извлечь из них выгоду.

Кто бы мог подумать, что их с Николасом Лувардисом связывает что-то общее?

— И он нанял тебя. А ты оказался его самой большой головной болью. Ты вывел игру на абсолютно новый уровень, заставив меня поднапрячься и стать еще более опытным игроком. Но ты, как и твой отец, знаешь, что это совсем не в ваших интересах — сбрасывать меня со счетов.

— Сбросить тебя со счетов? — грубо засмеялся Николас. — Скажи лучше, уничтожить тебя.

— Николас, не будь дураком, — тихо ответил Аристидес. — Неужели ты и вправду считаешь, что потеря одной сделки, пусть даже такой важной, может уничтожить меня?

Николас небрежно пожал своими огромными плечищами:

— Это было бы началом твоего медленного, но верного конца.

Аристидес сжал губы. Казалось, его собеседник еще более несговорчивый, чем его отец, чего он никак не ожидал.

— Значит, вы нашли мне замену? И кто же обладает такими средствами, опытом и возможностями? Кто обладает достаточным видением и гибкостью, чтобы обеспечить ваши нужды, удовлетворить ваши запросы и продемонстрировать вашу продукцию? Без меня вы бы оказались не у дел, и мы все это прекрасно понимаем.

— Мы подумаем об этом, когда не у дел окажешься ты.

— Не обманывайся насчет того, что твой отец якобы работал со мной, потому что у него не было другого выхода. Он знал, что я единственный из всех, кто делает свою работу на отлично.

— Возможно. Но я никогда тебя не терпел.

— Николас, давай не будем о личном. Ты высказал свою точку зрения. Я все понял. А теперь хватит. Ты ведь знаешь, что все закончится тем, что ты пожмешь мне руку.

— Едва ли это возможно, пока я имею право голоса.

Аристидес чуть не подпрыгнул:

— Ты хочешь сказать, что твои братья и сестра могут не согласиться с тобой?

— Знаешь что, Сарантос? Тебя можно было бы назвать волшебником. Потому что ты единственный, кто не вызывает у нас никаких разногласий.

Он должен был догадаться об этом. Аристидес тяжело вздохнул:

— Если вы вынудите меня, я буду с вами сражаться. И вряд ли это придется вам по вкусу.

Лицо красавца Николаса просияло:

— Ну, наконец. Угрозы.

Аристидес снова вздохнул:

— Я здесь не для того, чтобы угрожать тебе. Я пришел, чтобы попросить вас не заставлять меня делать это. Вы можете думать, что я готов на все, лишь бы оказаться на самом верху. Если бы это было так, я бы уничтожил вас в качестве примера для других. И даже если бы после этого я сам оказался в самом низу, я бы сумел подняться. В конце концов, именно так я и начинал.

Улыбка исчезла с лица Николаса, когда он встретился с непреклонным и бесстрастным взглядом Аристидеса. Сарантос знал, что Николас работал над тем, чтобы их компании оказались на равных, чего не удалось его отцу, несмотря на то что Аристидес нуждался в его сотрудничестве. Аристидес заверил Николаса, что он высоко ценит Лувардисов, и намекнул, что в будущем гарантирует обеим компаниям одинаковые условия при заключении новых сделок. Николас не пожал ему руку, но Аристидес почувствовал, что дело сдвинулось с мертвой точки.

— Можно мне поговорить с вашим адвокатом, который занимается этим контрактом? Я уверен, что мы сможем прийти к соглашению.

В следующую секунду Аристидес пожалел о своих словах.

Внезапно его спокойный и хладнокровный собеседник превратился в лишенного здравого смысла греческого братца, который ни за что не признается, что у него есть младшая сестра, даже если она занимает руководящий пост в компании в сфере правовых стратегий.

Николас весь ошетинился, и его глаза налились кровью.

— Ты будешь иметь дело со мной или с адвокатами, которых я назначу. Она сейчас занята.

— Вообще-то она здесь.

Этот голос.

Этот мелодичный, бархатистый голос, который Аристидес не раз прокручивал в голове. Она здесь.

Аристидес рывком повернулся. Остальной мир и Николас перестали для него существовать, когда он напряг зрение, чтобы увидеть в толпе ее.

И его надежда на то, что он преувеличивал свои воспоминания о ней, тут же растаяла.

Селена направлялась к ним, освещенная щедро изливавшимся на нее из окон солнцем. Она была настоящей богиней Луны, в честь которой ее и называли. Высокая и стройная, представительная и сдержанная, соблазнительная и сногшибательная в своем белом брючном костюме, подчеркивающим изгибы ее чувственного тела, которые Аристидес помнил наизусть. Ее волосы цвета воронова крыла волнами ниспадали ей на плечи и мерно колыхались в такт ее шагам. Из-под густых бархатных ресниц на него невозмутимо и бесстрастно смотрели небесно-голубые глаза.

Это был вызов ее естественности, который взволновал его до глубины души.

И в этот миг ему открылась истина.

Он не просто хотел Селену Лувардис.

Он желал ее страстно, до безумия.

Эта страсть пожирала его изнутри, заставив позабыть, что такое покой и сон. Он продолжал надеяться, что со временем все пройдет, и ждал исцеления. Вот почему он не возвращался в Америку. Аристидес боялся, что вызванные в нем Селеной чувства окажутся непреодолимыми. Что он не сможет жить без нее.

Случилось то, чего он опасался. Для этого хватило одного взгляда.

И этого взгляда было также достаточно для того, чтобы принять решение.

Не важно, какую цену ему придется заплатить, но Селена Лувардис будет его.

Она остановилась в нескольких шагах от него. Ее волосы переливались на солнце, и Аристидесу неудержимо захотелось провести по ним рукой и покрыть страстными поцелуями шелковистую кожу ее шеи.

И он сделает это. Он уже решил. Она снова будет его.

Он наслаждался чувством безразличия, с которым она отнеслась к нему. Это делает ее капитуляцию еще более сладкой.

Игнорируя присутствие Сарантоса, Селена посмотрела на своего брата:

— Николас, у тебя нет права решать за меня. Что касается мистера Сарантоса, переговорами с ним займется команда наших юристов.

Прежде чем Аристидес, зачарованно смотревший на нее, пришел в себя, у Николаса зазвонил телефон.

Сарантос почти не слышал, о чем он говорил, все его мысли и чувства были сосредоточены на Селене.

Миновав свою сестру, Николас направился к выходу из комнаты и бросил на ходу:

— Селена, мне нужно отлучиться. Оставь нашего непрошеного гостя и возвращайся к гостям.

Аристидес не сводил с нее глаз, наблюдая за выражением ее лица, пытаясь понять, что творится у нее в голове.

Она вела себя как одна из клана Лувардисов, настоящий профессионал, чья семья решила объявить ему войну.

Но это все внешнее. Аристидес сомневался, что Селена больше не испытывает к нему никаких чувств. Он смотрел, как она разворачивается, чтобы уйти.

— Ты послушная младшая сестра и всегда делаешь то, что тебе говорит твой старший брат?

Его слова заставили ее остановиться. И впервые за все это время она посмотрела ему в глаза. Ее взгляд ударил его подобно электрическому разряду.

Селена засмеялась:

— Ты хочешь насмешками заставить меня остаться?

Аристидес пожал плечами, полный решимости сократить пропасть, которую она проложила между ними:

— Я сделаю для этого все, что угодно.

Она сжала свои пухленькие губы:

— Понятно. Ты себе не изменяешь.

Аристидес еле сдерживался, чтобы не прижать ее к себе.

— Назови мне причину, по которой ты не можешь остаться.

— Я могу расположить их в алфавитном порядке. — Он почти задрожал от удовольствия, услышав, сколько сарказма она вложила в свои слова. — Но тут и одной будет достаточно. Первое, что я советую своим клиентам, это избегать прямого контакта с противником.

— Но мы не противники.

Она фыркнула, отчего он пришел в еще больший восторг.

— Ты прав. Но через неделю после смерти моего отца, когда тебе не поступило его дальнейших инструкций, ты попытался найти себе другого поставщика. Несомненно, это было первым шагом к тому, чтобы убрать нас со своего пути раз и навсегда.

— Я не хотел других компаньонов. — Она удивленно посмотрела на него, и он не удержался и взял ее за руку. Селена отступила назад, бросив на него взгляд, который разметал все его сомнения. Аристидес наклонился к ней. Он не позволит ей уйти. Этого больше не повторится. — И сейчас не хочу. Но он, все вы не оставляете мне другого выбора. Оставьте меня в покое. Я не хочу, чтобы мы были врагами.

И как в тот раз, когда она предложила ему утешение, поддержку и головокружительную

страсть, она снова сделала то, чего он никак не ожидал.

Вместо того чтобы избавиться от него, она застыла на месте, потом кивнула, как будто принимая какое-то решение, и с серьезным выражением лица бросила ему:

— Это необходимо уладить.

Селена повернулась и направилась к кабинету своего отца.

— В завещании моего отца говорилось кое-что касательно тебя. Там были инструкции, как поступить с тобой.

Аристидес приблизился к ней, с радостью заметив, что его наступление не вызвало в ней ни капельки страха.

— И что ты можешь сказать по поводу этих инструкций? Ты согласна с ними или ты просто слепо повинешься им?

Как будто ища поддержки, она прислонилась к столу и пожала своими безукоризненными плечами:

— Отец хотел остановить тебя, пока ты не стал слишком сильным. Он считал, что в этом случае ты нанесешь непоправимый урон судоходному бизнесу по всему миру. Мы признали правоту каждой из его причин.

Аристидес сделал еще один шаг вперед:

— Мне кажется, вам следовало сначала высказать, в чем вы меня обвиняете, а уж потом зачитывать приговор.

Селена покачала головой:

— Решение принято.

— Так давай отменим его. Я даю тебе слово и поручусь всем, чем ты только пожелаешь, что, когда я заключал свои сделки на протяжении этих полутора лет, у меня и в мыслях не было убирать вас с дороги.

Селена задумалась и, тяжело вздохнув, ответила:

— Я набросаю новый свод правил для обеих сторон при заключении сделок. Они будут справедливыми, но жесткими и непреложными. В будущем они защитят нас от чьих бы то ни было предательств. Если то, что ты говоришь, правда, ты согласишься с ними.

Аристидес внутренне возликовал. Его приводила в восторг их тактика взаимных уступок, которую они воспроизвели тогда в его спальне.

Впервые за эти годы на его губах заиграла настоящая искренняя улыбка.

— Что ж, решено. А теперь, когда с делами покончено, давай поговорим о более важных вещах. О нас.

Ее глаза потемнели, и от нее повеяло ледяным холодом.

— Послушай, Сарантос...

— Арис, — прошептал он. Во время их бурного уик-энда она ни разу не назвала его по имени, а только по фамилии. Тогда это его дико возбуждало, но сейчас ему хотелось вывести их отношения на новый уровень. — Именно это я хочу слышать из твоих уст.

Пытаясь выглядеть суровой, Селена сжала свои губки, отчего они стали еще более соблазнительными.

— Мне больше нравится Сарантос. И я предпочитаю закончить на этом наш разговор.

— Объясни мне почему, — удивился Аристидес.

— Потому что я так хочу.

— А я хочу тебя.

Она не нашла что ответить. Но когда в конце концов взяла себя в руки, в ее голосе звучал металл.

— С чего бы это? У тебя выдались еще одни выходные для приятного времяпрепровождения?

Ее тон сбил его с толку. Ему показалось, что в ее голосе прозвучала обида. На что?

— За всю свою жизнь я и часа не потратил на развлечения. Но то время, что мы провели вместе, было просто потрясающим. Я хочу большего.

— Мы чувствовали себя вполне прекрасно, не имея большего на протяжении последних восемнадцати месяцев.

— Лично я так себя не чувствовал. Я думал, что мне не следует этого делать, но это выше моих сил.

Селена насмешливо улыбнулась:

— Сарантос, добро пожаловать в реальный мир. Как ты правильно заметил, нельзя иметь все, чего ни пожелаешь.

— Назови мне причину, по которой я не должен этого делать.

— Не делать чего? Проводить еще одни выходные вместе? Я же сказала, все в прошлом. И я не должна перед тобой отчитываться.

— Но я не собираюсь отступаться. Я хочу видеть тебя. Когда бы ни выпало удобное время для нас двоих.

Селена потрясенно посмотрела на него:

— Ты предлагаешь мне любовную интрижку?

Он подошел еще ближе, вплотную прикоснувшись к ее бедрам:

— Мы оба хотим этого.

— Если я правильно тебя поняла, ты предлагаешь не просто связь. Ты обговариваешь отношения, построенные на удовлетворении чисто физических нужд, которые будут случаться время от времени? И которые будут держаться в секрете?

Он посмотрел в ее полные огня глаза и нежно прикоснулся к ее руке:

— Это все, что мы можем себе позволить. Отделить наши личные отношения от деловых. И не позволить другим, начиная с членов твоей семьи, помешать им. Мы слишком заняты своей карьерой и из-за наших расписаний вынуждены находиться на разных концах земного шара. Но я буду делать все, что в моих силах, чтобы проводить с тобой как можно больше времени. Мне следовало предложить это еще тогда и не следовало отказываться от того удовольствия, которое мы могли предоставить друг другу.

Селена опустила глаза, чтобы он не смог прочесть, что в них написано.

— Ты полагаешь, я хочу того же?

— Несомненно. Но, судя по всему, ты решила отказаться от удовольствий ради своей карьеры и служения своей семье. Вот почему ты достигла таких высот в столь юном возрасте. В этом ты похожа на меня.

Она с вызовом посмотрела на него. Ее враждебность озадачила его, но вместе с тем заставила сходить с ума от желания укротить ее.

— У нас нет ничего общего, — зло сказала Селена. — И я никому не позволю решать за меня, чего я хочу и как я этого хочу.

Она жаждала боя. Грубой драки. Демонстрации того, на что он готов, чтобы заполучить ее обратно. Что ж, он не заставит себя ждать.

— Ты хочешь меня. — Резким движением Аристидес оторвал ее от стола и притянул к себе. — А что до того, как ты хочешь меня, я могу освежить твою память.

Он протянул руку ей за спину и с грохотом смел со стола все, что на нем находилось.

Селена задрожала. На ее лице отразилась череда различных эмоций: сначала тревога, потом ярость и наконец неистовое возбуждение.

— Болван, это вещи моего отца, — задыхаясь, прошептала она.

Он прижал ее к холодной поверхности стола, раздвинул ее ноги и склонился над ней:

— Ничего не разбилось. И я все расставляю, как было... потом. А теперь... скажи, что ты меня не хочешь.

Он наклонился и прижался губами к ее груди, к соскам, которые от возбуждения пробивались сквозь ткань ее блузки и бюстгалтера. Потом он припал к ее губам. Его язык проник к ней в рот и прикоснулся к ее языку, заставив ее застонать от удовольствия. Почувствовав под собой движение ее бедер, Аристидес выпрямился, а потом прижал свою пульсирующую плоть к ее сердцевине, укрывающейся внизу живота, вызывая у нее новую волну желания.

— Скажи, что не хочешь. Скажи, что ты не думала об этом, когда закрывала свои глаза, когда просыпалась или спала.

Она подняла на него свои прекрасные глаза, полные лихорадочного возбуждения, нескрываемого вызова и чего-то похожего на... разочарование?

С явным усилием Селена поднялась на руки, ее бедра крепче сжались вокруг него, возбуждая его еще больше.

Прежде чем он успел уложить ее обратно и овладеть ею прямо там, на столе, она резко сказала:

— Это значит, что у меня здоровый сексуальный аппетит, а ты являешься сексуальной фантазией любой женщины. Слишком очевидно, чтобы требовать доказательств.

Он внимательно посмотрел ей в глаза, затем сделал шаг назад:

— Я — твоя сексуальная фантазия. И ты не спишь с кем попало, чтобы удовлетворить свой здоровый сексуальный аппетит. Могу поспорить, другому ты бы уже давно выцарапала глаза.

Дрожащей рукой Селена поправила свою одежду:

— Я думала о том, какая катастрофа могла бы последовать за искушением, которому я могла поддаться.

— Единственным искушением, которому ты не поддавалась, было сорвать с меня одежду и расцарапать мою кожу, умоляя овладеть тобой.

Она посмотрела вниз на свои бедра, которые, он знал это, дрожали от желания.

— Возможно. И может, если бы ты пришел с этим предложением сразу после тех выходных, я бы рассмотрела его. А сейчас слишком поздно. Я теперь не одна.

Его как будто ударили ниже пояса.

Он стоял потрясенный, пока она шла к двери.

Когда она взялась за дверную ручку, он прорычал:

— Порви с ним.

Когда она повернулась к нему, на ее лице было написано изумление.

— То, как ты отвечаешь на мои поцелуи, говорит явно не в его пользу. Получается, ты живешь с ним, руководствуясь рассудком, а жаждешь меня. Это закончится тем, что ты унизишь его и причинишь ему боль.

В ее взгляде читалась жалость.

— Ты думаешь, что понял все насчет устройства этого мира?

— Нет, но я наконец понял, что мы созданы друг для друга. Я не поверю, если ты скажешь, что тот другой доставляет тебе такое же удовольствие, какое доставлял тебе я. Такая страсть, такая совместимость случается раз в жизни. И нам невероятно повезло, что мы встретили друг друга.

Селена покачала головой и снова повернулась к двери.

Аристидес бросился к ней и схватил за руку:

— Скажи мне «да», как тогда, когда мы были вместе, и мы дадим друг другу то, в чем так сильно нуждаемся. Порви с тем... другим. Я подожду.

На этот раз она вырвала руку, как будто его прикосновение обожгло ее:

— Нет. И это окончательное решение. У нас была попытка, но теперь у меня нет достаточно веской причины, чтобы воскрешать ее ради случайных встреч, даже если они будут отличаться потрясающим разнообразием. — Она открыла дверь и бросила на него последний взгляд. — Сарантос, теперь ты знаешь дорогу. Выход найдешь сам.

Аристидес направился к выходу. Но он уйдет не раньше, чем соберет всю нужную информацию, которая поможет завоевать ее.

Будь он проклят, если не добьется ее. И он не станет ждать, пока она образумится. Она не была замужем и не была помолвлена. В таком случае он узнает, кто является его соперником, и разлучит их.

Аристидес услышал, что Селена больше не живет в семейном особняке, поэтому он решил подождать в машине, пока она выйдет.

Он последовал за ней в престижный загородный клуб и вошел внутрь.

Там он увидел, как она подошла к какой-то женщине с ребенком. Она поздоровалась с ней и, прежде чем уйти, нагнулась и поцеловала малыша.

Аристидес поспешил за ней. Он боялся пропустить ее возможную встречу с мужчиной, которого он определил своим соперником. Он приблизился к той женщине с ребенком, к которым подходила Селена, и бросил на них рассеянный взгляд.

Вдруг что-то заставило его посмотреть на них еще раз. И еще раз. Земля покачнулась у него под ногами.

Что-то готово было взорваться у него в груди.

Этот малыш...

Этот ребенок...

Это был... его ребенок.

Глава 3

Аристидес ни секунды не сомневался, что это его ребенок.

Он смотрел на малыша, и его уверенность только возрастала.

Мальчик был одет в темно-синий спортивный костюмчик. Его личико обрамляли золотистые кудряшки. Изгиб бровей и тесно сжатые губы придавали выражению его лица решительность. Это же самое выражение Аристидес встречал на другом лице, которое было запечатлено на фотографии почти сорокалетней давности.

Он не мог ошибиться.

Это его сын.

И тут малыш заметил его.

Он посмотрел на Аристидеса с нескрываемым любопытством. Затем его глазки просияли и он улыбнулся.

Шестизубая демонстрация подлинной радости и счастья.

Аристидес едва дышал. Прежде чем он смог взять себя в руки, ребенок сделал движение в его сторону.

Онемевший от потрясения Сарантос стоял и смотрел, как этот ступок энергии ползет в его направлении. Аристидес впервые за более чем двадцать пять лет своей жизни не мог справиться с мыслями, не мог пошевелиться, ожидая, пока очередной каприз судьбы решит его участь.

Он беспомощно смотрел, как ребенок подполз к нему ближе и дернул за штанину. Аристидес даже не мог описать, что творилось у него в душе. Он глянул на ребенка, который держался за него и восторженно улыбался.

— Алекс, сокровище мое, иди сюда.

Аристидес вздрогнул, услышав незнакомый женский голос. Он повернулся и посмотрел на женщину. К ним подошла черноволосая и черноглазая гречанка, которая на вид была на несколько лет старше его. Аккуратно одетая и причесанная. Она смотрела не на него, а на малыша.

— Ох, боже мой. Простите нас, — виновато сказала она. — Я принесу влажную салфетку, чтобы вы смогли почистить брюки.

Аристидес недоуменно посмотрел на женщину, которая тут же бросилась к столу и вернулась с обещанной салфеткой. Он посмотрел вниз и увидел, что ребенок запихнул себе в рот довольно приличный кусок его штанины.

Женщина наклонилась к ребенку и мягко оторвала его от ног Аристидеса, чем вызвала бурный протест с его стороны.

Аристидес стоял красный как рак, когда женщина ткнула ему салфетку и попыталась успокоить ревуущего и вырывающегося из ее рук малыша.

— Мне очень жаль, сэр, — пролепетала она. — Я надеюсь, пятна не останется. А если нет, я уверена — мисс Лувардис будет счастлива компенсировать вам убытки.

Аристидес оцепенело принял салфетку и уставился на женщину.

Вероятно, она работает на Селену. Судя по всему, она присматривает за ребенком.

Ребенком Селены.

Ребенком Селены... и его.

— Не знаю, что на него нашло, — продолжила женщина. — Обычно Алекс ведет себя очень

сдержанно с незнакомыми людьми.

Аристидес почти не слушал ее, сосредоточившись на ребенке, рыдающем у нее на руках. Малыш протягивал к нему ручки, по его пухленьким щечкам и дрожащему подбородку текли слезы, как будто он умолял Аристидеса спасти его от какого-то монстра, который хотел его проглотить.

Не осознавая своих действий, Аристидес почувствовал, как его руки потянулись к ребенку. Женщина немного ослабила свои объятия, и малыш наклонился к нему...

— Элен!

Это была Селена. Женщина отступила назад. Ребенок снова зашелся плачем, но, увидев свою мать, радостно завизжал.

Селена была похожа на разъяренную тигрицу, которая бросилась на защиту своего детеныша:

— Элен. Отнесите Алекса обратно в комнату. Соберите вещи. Мы уезжаем.

Женщина выглядела потрясенной резкостью Селены, которой она, по-видимому, никогда от нее не ожидала. Она виновато посмотрела на Селену, кивнула и бросилась прочь с ребенком, который снова разрыдался, в детскую комнату.

В глазах Селены бушевал огонь.

— Что ты здесь делаешь? Как ты посмел следить за мной?

Он покачал головой. Не для того, чтобы отрицать ее обвинение. Но чтобы собраться с мыслями.

Хотя она не ждала ответа. Это был риторический вопрос. Она ясно дала понять это, когда резко развернулась, взметнув при этом облако своих волос, и направилась к выходу.

Сарантос не мог пошевелиться. Все в голове перепуталось. С трудом набирая в легкие воздух, он смотрел, как она отдаляется от него. Собравшись с силами, он ринулся за ней и схватил за руку.

Она резко развернулась и возмущенно воскликнула:

— Я же сказала тебе, оставь меня в покое! Я же сказала...

— Ты не сказала мне.

Она изумленно посмотрела на него, услышав грубый тон его голоса. Селена видела, что он потрясен и не может прийти в себя.

— Ты не сказала, что у тебя есть сын от меня. Мой сын.

Он увидел, как на ее лице отразилась череда смешанных эмоций, начиная от замешательства и заканчивая яростью.

Но Селена Лувардис не была бы первоклассным юристом, если бы позволила своим эмоциям взять над нею верх.

Она вытянулась как струна, и ее лицо приняло непроницаемое выражение.

— А почему я должна была это делать? Какое отношение это имеет к тебе?

— Ты решила за всех нас, что никакого.

Губы Селены задрожали, но она пересилила волнение и с вызовом посмотрела на Аристидеса:

— Послушай, Сарантос, если ты боишься, что это как-то отразится на тебе, я могу успокоить тебя. Мы просто дали выход своим эмоциям. Я сказала тебе, что у меня безопасные дни. Это оказалось не так. Я не учла гормональный сбой, который произошел вследствие стресса, полученного из-за смерти отца. Ты не удосужился связаться со мной, чтобы проверить, не забеременела ли я, а я не стала беспокоить тебя, чтобы уточнить, как ты отнесешься к тому, что я рожу от тебя ребенка. Я уверена, если бы ты узнал, ты бы отказался от него. Я единственная хотела его. Поэтому он мой. И только мой. Конец истории.

В эту секунду из детской комнаты вышла нянечка Алекса. Она усадила малыша в прогулочную коляску и быстро направилась к выходу.

Селена нетерпеливо посмотрела на Сарантоса, как будто умирая от желания быстрее завершить разговор и никогда больше не возвращаться к нему:

— Я сожалею, что ты увидел Алекса, и еще больше сожалею о том, что ты признал в нем своего сына. Но знаешь, на самом деле ничего не изменилось. Я всегда хотела родить ребенка для себя. Воспользоваться донорской спермой. В принципе все почти так и получилось. Ты можешь спокойно возвращаться к своим делам. Также ты можешь исключить меня из списка женщин, с которыми можно договориться о встрече. То, что ты предложил мне любовную интрижку, это было всего лишь дополнением к твоей деловой поездке. Скорее всего, это было вызвано моим сопротивлением. Ты пришел уладить дела насчет контракта, и ты это сделал. Мое соглашение насчет партнерства в бизнесе остается в силе.

Казалось, она дает ему понять, что для него больше не будет места в ее сердце.

— Прощай, Сарантос. Я очень надеюсь, что дороги нашей личной жизни больше никогда не пересекутся. — С этими словами она развернулась и зашагала прочь.

В этот раз Аристидес не стал ее останавливать.

Он смотрел, как она подошла к Элен и, взяв у нее коляску, вышла на улицу.

Сарантос стоял, не в силах пошевелиться, уничтоженный грубой правдой, которую она бросила ему в лицо.

Она права.

Если бы она связалась с ним, он бы ответил, что меньше всего ему сейчас нужен ребенок. Пока он не последовал за ней и не увидел Алекса, сама мысль о детях приводила его в ужас.

Но теперь он увидел своего сына.

И снова встретился с ней.

Разве теперь в его жизни есть что-нибудь важнее, чем они?

Селена держалась до последнего. Она уложила Алекса в кроватку и отослала Элен, извинившись за то, что набросилась на нее за неожиданное вторжение Аристидеса. Затем она позволила хаосу поглотить ее.

Не раздеваясь, Селена рухнула на кровать.

Аристидес не только узнал о существовании Алекса, он признал в нем своего сына.

Она все еще не могла поверить, что он мог сделать это с одного лишь взгляда на малыша.

Разве Алекс так уж похож на него? Если да, то почему другие не заметили этого? Ее братья не догадывались, кто был отцом Алекса, но не уставали строить догадки. Они испробовали все, от лести до приступов гнева. И даже наняли частного детектива. Они составили список мужчин, с которыми она когда-либо имела дело, который подвергся последовательному сокращению. Аристидес оказался последним, кто мог прийти им на ум.

Может, они не догадывались, потому что Алекс был похож и на Лувардисов? Или их ненависть к нему и вера в то, что их сестра не будет настолько глупой, чтобы переспать с их врагом, была настолько сильной, что ослепила ее братьев, и они не увидели сходство ее ребенка с Аристидесом Сарантосом? У Алекса были волосы отца, его глаза, ямочка на подбородке...

Ее сердце болезненно сжалось. Она почувствовала такое опустошение, когда увидела их рядом.

Когда Селена узнала, что беременна, она не переставала думать о том, как бы все было, если бы их отношения с Аристидесом были другими.

Последние двенадцать лет она твердила себе, что ей не стоит увлекаться им, потому что он является заклятым врагом ее семьи. Но позже она поняла, что причина неосуществимости ее грез кроется в другом: Аристидес никогда не обращал на нее внимания. Он пользовался бешеным успехом у женщин, которые всегда были готовы к его услугам. Вот почему она называла себя идиоткой за то, что сходит по нему с ума, а не потому, что он был самым неподходящим объектом страсти.

А потом наступил тот роковой день, когда он вдруг проявил к ней интерес. После тех двух дней и ночей, проведенных в его кровати, она пережила бурю эмоций, от ожесточения до глубокой печали.

Но она просто не пережила бы их совместное пробуждение и встречу с реальностью. Она не смогла бы лично выслушать решение Аристидеса по поводу будущего, которое ждало их отношения.

Под внешностью уверенной деловой женщины, которой Селена являлась окружающему миру, скрывалась единственная и самая младшая дочь отца большого семейства. Ее мать умерла, когда Селене было всего два годика. Мужчины в ее семействе решили компенсировать отсутствие матери чрезмерной опекой. Они ограничивали ее и контролировали каждый шаг, пусть даже непреднамеренно. Селена росла, сражаясь за каждый миллиметр своей свободы, которой она все-таки добилась, и за каждый миллиметр чувства уверенности в себе, которое она со временем развила.

Что касается мужчин, она пыталась убежать от своего страстного увлечения Аристидесом и старалась держаться от мужчин на расстоянии. К тому времени она уже решила, что их интересует богатство и влияние ее семьи, а не она сама. Ситуацию усугублял Аристидес. В сравнении с ним другие мужчины казались пустым местом.

После головокружительного секса с ним ее гордость взяла верх и не позволила ей остаться. Селене хотелось, чтобы Аристидес нашел ее, вернул и сказал, что она ему нужна больше чем на две ночи.

Но он не удосужился даже позвонить.

И после такого унижения она все равно нашла для него оправдание. И даже после того, как он отказал компании «Лувардис энтерпрайзис» в подписании контракта всего лишь через неделю после смерти ее отца, она была настолько глупа, что подумала, что его действия не имеют никакого отношения к ним обоим, что он поступает так, как лучше для его собственного бизнеса. Селена продолжала обманывать себя, что он обязательно вернется к ней.

Несколько месяцев она сходила с ума, ожидая, что он позвонит или придет к ней. Но потом ей пришлось взглянуть правде в глаза. Он был тем, кем его считали окружающие. Аристидес Сарантос был бесчувственной, жаждущей власти машиной по производству денег. То, что казалось ей потрясающе незабываемым, для него оказалось всего лишь очередной интрижкой.

С другой стороны, Селена не могла винить его за то, что он воспользовался тем, что она же сама ему предложила. Виновата была она, потому что, зная правду, питала пустые иллюзии.

На примере собственных братьев она видела, какими быстрыми и напористыми игроками были мужчины. Некоторые из них гнались за призрачными наслаждениями, а настоящую любовь воспринимали как временное недомогание. Но их связь была не призрачным наслаждением. Она была потрясающей и опустошающей. Только всему приходит конец. Их истории тоже пришел конец.

Придя в себя после потрясения, которое она пережила, узнав о своей беременности, Селена поставила в известность своих братьев. Поначалу они не могли поверить, что их свертответственная и здравомыслящая Селена случайно забеременела. Затем они потребовали имя отца. Она сказала им, что это их не касается, так же как не касается отца ее ребенка. Ребенок будет принадлежать только ей. И она родит его. Все. Точка.

И она родила Алекса. Несмотря на трудности, которые поджидали ее, мать-одиночку, Селена была на седьмом небе от счастья. Бывали времена, когда она настолько уставала, что ей хотелось, чтобы рядом был кто-то, кто помог бы ей. Она мечтала, чтобы у Алекса был отец, Аристидес, а не просто дяди, которые пытались заменить ему отца. Но каждый раз возвращалась реальность, грубо разбивая наивные мечты. Прошло несколько месяцев, и Селена убедила себя, что Аристидес больше никогда не появится в ее жизни.

А несколько часов назад в прихожей особняка Лувардисов она увидела его собственной персоной.

Ее сердце снова забилося, как тогда, когда она заметила его.

Несмотря на то что он стоял спиной к ней, один его голос, полный огня от перебранки с Николасом, заставил ее позабыть обо всем на свете.

Ей нужно было выпроводить его, пока он не поломал ее упорядоченную жизнь, поэтому она заявила о своем присутствии и попыталась ускорить его уход.

Но все стало только хуже.

Стоит ли этому удивляться? Казалось, она не в состоянии принять ни одного решения, сделать

ни одного поступка, который не закончился бы катастрофой, если дело касалось Аристидеса Сарантоса.

Вместо того чтобы уйти, она вступила с ним в перепалку. Вместо того чтобы выцарапать ему глаза, она чуть не отдалась ему.

И ее противостояние только сильнее разожгло его интерес. Он даже предложил ей стать его любовницей по эту сторону океана. Судя по всему, ему захотелось пополнить свой гарем красоток, которые ожидали его в каждом порту.

И что хуже всего, несмотря на то что она чувствовала себя разозленной, разочарованной и оскорбленной, она едва не поддавалась искушению.

Селена даже не пыталась отрицать это.

Ее все еще влекло к нему. Она безумно хотела его.

Но она была всего лишь женщиной. А какая женщина не захочет оказаться в объятиях такого потрясающего мужчины?

Но теперь она не позволит ему приблизиться к ней. Или к Алексу.

Хотя вряд ли он захочет это сделать.

Скорее всего, Аристидес примирится со своей «отставкой» и исчезнет с заходом солнца. На этот раз навсегда.

Селена сидела, задумавшись.

Кто бы ни придумал греческих богов, он, по-видимому, и представить себе не мог, что однажды на Земле появится такой человек, как Аристидес Сарантос, который намного превзойдет все его фантазии.

Ее ожидания не оправдались. Он не исчез.

Что еще хуже, он вернулся.

Селена смотрела, как в ее кабинет вошла дрожащая Дина, ведя за собой Аристидеса.

Она едва сдержалась, чтобы не открыть рот от изумления. Ей пришлось жестом показать своей сообразительной помощнице, которая в присутствии Сарантоса чуть не падала в обморок, чтобы та ушла и оставила их наедине.

Селена чувствовала себя ничуть не лучше. Просто она научилась скрывать свои эмоции и тот хаос, который вызывал в ней этот мужчина. Хотя слово «хаос» было слишком безобидным для того, чтобы передать то, что творилось у нее внутри.

Единственное, что помогло ей собраться с мыслями, это причина его прихода. Они должны были обговорить некоторые детали договора.

Селена не стала подниматься из-за стола. Ее ноги ходили ходуном, и у нее вряд ли хватило бы сил устоять. Она решила первой ринуться в бой, пока он не подошел ближе и не подавил ее силой своего обаяния.

— Тебе следовало позвонить, прежде чем приходить сюда. Я сообщу тебе, когда подготовлю новые условия наших отношений. Это будет, скорее всего, на следующей неделе.

Но Аристидес, не слушая ее, подошел к столу, обогнул его и навис над ней. Селену охватило дикое возбуждение. Она не могла пошевелинуться, пойманная в ловушку его пронзительных серых глаз.

Жар волнами распространялся по ее телу. Селена почувствовала, как силы покидают ее.

— Я пришел не по этому делу, — отчеканил Аристидес.

У нее внутри что-то взорвалось.

На этот раз она не будет сопротивляться. Ей следует капитулировать. Еще один раз.

Они нуждаются в близости друг с другом. Пусть будет так. Здесь. Сейчас.

Слова признания уже готовы были слететь с ее губ, но...

— Я пришел к тебе с новым предложением. Выходи за меня замуж, — сказал Аристидес.

Глава 4

«Выходи за меня замуж». Раньше Аристидес думал, что никогда в жизни не произнесет эти слова.

Но даже если бы его самые буйные фантазии однажды нарисовали возможный сценарий подобных событий, они никогда бы не зашли настолько далеко, чтобы представить реакцию, которую вызовет его предложение.

Минуту или две Селена оцепенело смотрела на него, а потом ее плечи начали сотрясаться.

Но не потому, что она начала задыхаться от волнения.

Селена смеялась. Она едва могла дышать от хохота.

Каждый новый взрыв смеха был для него как звонкая пощечина.

Но он ее не винил.

Если бы еще вчера его спросили, на какую глупость он бы ни за что не пошел, первым в его списке стоял бы брак.

Судя по всему, для нее он тоже был чем-то абсурдным и нелепым.

Аристидес смиренно вздохнул, засунул руки в карманы и наблюдал картину, которую даже представить себе не мог. Селена Лувардис сидела перед ним и корчилась от смеха.

Аристидес лишь крепче сжал челюсти, ожидая, пока она придет в себя. Наконец она потянулась за салфеткой и промокнула слезы, качая головой, как будто до сих пор не могла поверить в услышанное, затем с издевкой посмотрела на него. Аристидес вздохнул:

— Клянусь, ты бы меньше смеялась, если бы я предложил тебе усыновить меня.

Селена снова захохотала:

— Я бы сочла это предложение более приемлемым. — Она покачала головой. — Сарантос, одно могу тебе сказать. Ты настолько предсказуемо непредсказуемый, что сводишь с ума всех, кто пытается хоть как-то проанализировать твои действия. Промышленники делают ставки, что ты выберешь один путь, а ты всегда идешь и переворачиваешь все с ног на голову, оставляя всех сбитыми с толку. Выйти замуж за тебя? Бог ты мой! Подумать только! — Вдруг ее взгляд стал пристальным. — Могу поспорить, что ты сам не понимаешь, о чем говоришь.

Аристидес посмотрел в эти колючие от иронии глаза. Они напомнили ему чистое, освещенное лунным светом небо из его детства, усеянное мириадами звезд, которые сообщали ему свою мудрость и утешение и проникали в самое сердце.

Может, он вел себя так, как будто продумал все последствия своего предложения, как будто знал, чего он просит. Но это было не так.

Разве такое возможно, когда предлагаешь что-то, что безвозвратно изменит твою жизнь?

Аристидес на самом деле страшился ее реакции. И не знал, чего ему бояться больше. Потрясения, подозрения, злости, сомнения, восторга, отказа или согласия. Комбинации этих эмоций или их последовательности.

Но ее реакция оказалась совершенно другой. Аристидес покачал головой:

— И это ты говоришь мне о непредсказуемости.

— Ты хочешь сказать, что ожидал чего-то другого? Если так, то либо я серьезно недооценивала твою заносчивость, либо ты теряешь свою непогрешимую проницательность и сверхъестественную пророческую силу.

Хотя где-то на подсознании Аристидес допускал такую мысль, что Селена может отнестись к его предложению с презрением, легче от этого ему не стало.

Он больше ничего не понимал. Вся его продуманная до мелочей стратегия жизни разбилась на мелкие кусочки.

Впервые с тех пор, как ему исполнилось двенадцать, он прыгал в неизвестность, не имея под рукой четкого плана, что и как надо делать. Потому что впервые у него не было выбора.

Аристидес тяжело вздохнул:

— Возможно, и то и другое.

В ее глазах промелькнуло сомнение. Неужели он добровольно признал ее правоту? Но потом ее взгляд снова стал ироничным.

— Еще раз повторю вопрос, которым ты сейчас задаешься. Сарантос, какого черта ты тут делаешь?

Сарантос посмотрел на нее. Что она сейчас испытывает? Обиду? Ярость? Или... боль?

Хватит. Он больше не будет строить догадки. Нужно довести дело до конца. И единственное, что сейчас будет уместным, это откровенность.

Взгляд Сарантоса стал серьезным.

— Я делаю то, что должен. Я прошу тебя выйти за меня замуж.

Он увидел, что Селена начинает злиться.

— Опять все сначала, — ухмыльнулась она. — Что ж, Сарантос, давай начистоту. Ты из-за чувства долга предлагаешь мне «выйти за тебя замуж»? Потому что я «родила от тебя ребенка»? Как оригинально.

Сарантос улыбнулся:

— Ты говоришь так, как будто я не понимаю, о чем прошу.

— Сарантос, ты действительно не понимаешь, — тяжело вздохнув, ответила Селена. — Следовать правилам и традициям толпы — это не для тебя.

— Я пользовался привилегией не следовать им в течение последних двадцати пяти лет. Сейчас обстоятельства изменились, и я больше не могу себе этого позволить.

— Бог мой, Сарантос! Только вчера ты предлагал мне свободные отношения. А потом, обнаружив существование Алекса, ты предлагаешь мне связать себя пожизненными узами?

— Согласен, противоречия есть, — кивнул Аристидес. — Но вчерашняя встреча все круто изменила.

— Вижу, придется повторить еще раз то, что я сказала тебе вчера, — нетерпеливо бросила Селена. — У тебя нет ничего общего ни со мной, ни с Алексом. У тебя здесь нет ни прав, ни обязанностей.

— Если бы я считал, что это так, я бы сегодня сюда не пришел.

На какой-то миг Селена потеряла дар речи, но потом собралась и резко ответила:

— Что ж, объясню на пальцах. То, что ты предлагаешь заключить брак ради ребенка, значит, что ты собираешься занять место мужа и отца. Сарантос, ты хоть имеешь представление, что значит быть настоящим мужем и отцом?

— Насколько мне известно, ты тоже мало что знаешь о настоящих отношениях. Ты не можешь договориться даже со своими братьями.

Она не стала спорить по этому поводу, и Аристидес продолжил:

— Возможно, я действительно не самая подходящая для этого кандидатура, но это дела не меняет. У тебя мой ребенок. Ребенок, которому я должен дать свое имя и поддержку. То же самое я должен и тебе.

— Вот это да. По крайней мере, никто не заподозрит тебя в сентиментальности. Знаешь что, ребенок и я можем обойтись без твоей поддержки. Спасибо, мы ни в чем не нуждаемся.

— Это не значит, что тебе следует отказаться от моей помощи и защиты, от той пользы, которую может принести мое положение и состояние.

— Это как раз отличный повод не принимать их. Мне это абсолютно ни к чему. У меня тоже

есть положение, и мы с Алексом достаточно богаты. Что еще ты можешь нам предложить?

И снова Аристидеса потрясла откровенность Селены.

Ему было нечего предложить ей взамен, кроме горькой правды.

— Не знаю. Наверное, ничего.

В комнате повисла гнетущая тишина.

— Другой разговор, — с иронией заметила она. — Спасибо за откровенность. Это избавит нас от всяческой сентиментальности и ненужных обещаний.

— Я тоже полагаю, что это ни к чему. Эти преувеличенные ожидания могут только все испортить. И в личной жизни, и в том, что касается работы. Я хочу быть с тобой предельно честным, чтобы ты знала, что именно я имею в виду.

— Но ты сам не уверен в том, что предлагаешь, — возразила Селена.

— За исключением того, что ты отвергаешь, да, я не уверен. Но честность всегда лучше ложной уверенности.

— Знаешь, в твоей искренности, как и в твоём предложении, нет никакой необходимости. И причина, которая стоит за ними обеими, просто ужасна.

Аристидес удивленно посмотрел на нее, с нетерпением ожидая, какой следующий удар она готова ему нанести.

— И какой же страшный мотив ты усмотрела в моих действиях?

— Создается такое впечатление, что даже ты не смог избежать влияния социальной среды, которая требует от мужчины заботиться о своем потомстве, а иначе он лишится своей мужественности, гордости и привилегий. — Селена повернула свое кресло обратно к столу и задумчиво посмотрела на Аристидеса, отчего его кровь превратилась в раскаленную лаву. — Мне кажется, что твои мотивы — это смесь гордости, чести и ответственности.

Аристидес изумленно уставился на нее. И она считает это ужасным?

Он недоверчиво захохотал:

— Ты говоришь так, как будто эти вещи являются самыми недостойными из всех мотивов.

— В данном случае да. Ты не можешь жениться на ком-то только потому, что выиграло твое самолюбие, что твоей репутации что-то угрожает или потому, что тебе в затылок дышит ненавистная ответственность перед кем-то.

Аристидес пожал плечами:

— Возможно, не все мужчины вступают в брак по таким причинам, но большинство из них остается благодаря именно им.

Селена отвернулась от него и занялась своими бумагами.

— Все может быть. И я не спорю, что некоторым женщинам приходится мириться с этим,

потому что у них нет выбора. Но это не мой случай. Ни для меня, ни для Алекса не принесет ничего хорошего потакание твоей мужской гордости и чувству долга. Ты предлагаешь свое имя, положение и деньги, потому что тебе больше нечего нам дать. Но они ничего не значат для меня, потому что это не те причины, по которым я бы вышла замуж. А что до тебя, если ты пытаешься уладить ситуацию сейчас, на ранней стадии, чтобы обезопасить себя в будущем, я опять же спешу тебя заверить... — Тут Селена снова повернулась к нему и серьезно посмотрела. — Ни мне, ни Алексу никогда ничего от тебя не понадобится. Я могу гарантировать это, подписав соответствующий юридический контракт.

Каждым своим словом, каждым взглядом Селена возводила между ними стену. Сарантос не предполагал, что его предложение будет встречено с таким отпором.

Внезапно зазвонил ее мобильный телефон, она схватилась за него, как за спасательную шлюпку в бушующем море.

Аристидес подождал, пока Селена закончит разговор, и, приблизившись к ней вплотную, взял ее за запястья рук. Затем он поднял ее с кресла и прижал к себе. Сарантос удерживал ее взгляд, в котором вспыхнуло ответное чувство и инстинктивное желание покориться.

— Есть еще кое-что, — хриплым от волнения голосом сказал Аристидес. — Ты знаешь, есть вещь, которую могу предложить только я...

Он наклонился и прильнул к ее губам, заставив ее вскрикнуть и изогнуться в его объятиях. От прикосновения к ее чувственному телу взыграла его кровь. Селена страстно отвечала на его пылкий поцелуй, сводя его с ума и заставляя забыть обо всем на свете. А ведь он хотел ограничиться одним поцелуем, чтобы доказать свою правоту. Но реакция Селены на его ласки доводила его до безумия.

Сарантос обхватил ее за бедра и, приподняв, прижал к стене. Она обвила его руками и ногами, теснее прижавшись к его возбужденной плоти.

Он чувствовал, что теряет остатки контроля. Если она его не остановит, он овладеет ею прямо здесь.

Как будто прочитав его лихорадочные мысли, Селена отчаянно забилась в его руках. Но теперь она пыталась вырваться.

Аристидес остановился, оторвался от ее жарких губ и прижался лбом к ее лбу. Они тяжело дышали от возбуждения.

Затем он разжал свои объятия и позволил ей встать на ноги.

Селена, спотыкаясь и не поднимая глаз, обошла его и подошла к своему столу. Аристидеса снова бросило в жар, когда он осознал, что в порыве страсти расстегнул ее блузку и достал из чашечек бюстгальтера ее упругую грудь. Но прежде чем он послал все к черту и набросился на Селену, позволив им обоим насытить свои тела, которые кричали от безумного желания, она поправила свою одежду и заговорила.

Поначалу он не видел ничего, кроме этих губ, набухших от его поцелуев. Он представлял, как эти губы касаются его тела...

И только потом до него дошел смысл ее слов.

— Если ты хотел доказать, что я хочу тебя, — задыхаясь, сказала Селена, — в этом нет нужды. Мы уже это выяснили. — Она собрала папку с документами и направилась к двери. — А сейчас извини, у меня встреча.

Он бросился к ней, загородив ей проход:

— Я просто хотел показать, что еще я могу предложить тебе.

Аристидес посмотрел на нее, и его сердце сжалось. Никогда еще не видел он в ее глазах такую пустоту.

— Значит, для устранения последствий ты пытаешься объединить вчерашнее предложение и сегодняшнее — секс безо всяких условий и узаконенные отношения?

Он не знал, что ей ответить. Она все воспринимала по-своему. Да, он предлагал именно это, но, чтобы договориться, не затрагивая чувств, им придется прибегнуть к помощи какого-нибудь адвоката.

Селена стояла и ждала ответа.

— Но это намного больше того, что есть у многих так называемых супружеских пар, — заявил Аристидес.

Она внимательно посмотрела в его глаза и кивнула.

Его сердце подпрыгнуло. Неужели она согласна?

Но прежде чем он успел что-либо сказать, Селена обошла его и открыла дверь. На пороге она еще раз повернулась к нему:

— Как деловая женщина, я отваживаюсь только на те сделки, в которых аргументы «за» перевешивают аргументы «против». В твоём случае, Сарантос, вместе взятые аргументы «за» целого мира не смогут перевесить аргументы «против». Так что я отказываюсь принимать твоё предложение. И я требую, чтобы ты принял мой отказ как окончательный и бесповоротный.

С этими словами Селена вышла из кабинета, а Сарантос онемело смотрел на дверь и не мог понять, что произошло.

Что он сделал не так?

* * *

— Что ты сделала?

Селена вздрогнула от резкости, которая прозвучала в голосе ее лучшей подруги.

Кассандра была единственным человеком, который знал ее тайну. Конечно, она не рассказала ей всего. Только в общих чертах передала их с Аристидесом вчерашний разговор. И она ни словом не упомянула о безумной страсти, которая вспыхивала каждый раз, стоило Аристидесу коснуться ее...

Сейчас она пожалела о том, что поделилась с Кассандрой своими переживаниями. Ей хотелось стереть с памяти встречи с Аристидесом. Самого Аристидеса.

— Ты была бы последней идиоткой, если бы отказала ему. А поскольку у тебя с мозгами все в порядке, ты ведь не сделала этого?

— Не отказала? — подавленно переспросила Селена.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я, — скорчила гримасу Кассандра. — Ты заставила его попотеть, не так ли? Я не говорю, что он заслуживает этого, за то, что уехал, даже не попрощавшись, и так долго не возвращался назад.

— Не забывай, что он вернулся по делам, а потом по ходу сделал мне предложение стать его американской наложницей, — с иронией ответила Селена.

— Конечно, и за это тоже. Его следует как-нибудь проучить. — Вдруг Кассандра вздохнула. — Но что за мужчина...

Селена поежилась. Она не раз видела, как женщины реагируют на одно лишь упоминание об Аристидесе. Ей стало неприятно, что ее лучшая подруга так вздыхает о Сарантосе. Теперь она еще раз убедилась, что поступила правильно. Она не любила ревность и возненавидела бы себя и свою жизнь, если бы вышла за человека, к которому испытывали вождедение все представительницы слабого пола. Она знала, что Аристидес никогда не будет принадлежать ей безраздельно и она никогда не будет уверена в его чувствах.

Селена представила, как бы Аристидес отреагировал на подругу ее детства. Кассандра, которая в свое время взбунтовалась против своих строгих родителей-греков и стала топ-моделью и начинающим дизайнером, была настоящей богиней. Нет сомнения, что Аристидес, как и любой другой мужчина, не остался бы равнодушным к гибкой грации и необыкновенной женственности ее подруги, к копне ее золотистых волос и колдовским зеленым глазам. И несмотря на то, как Кассандра относилась к большинству других мужчин, теперь, когда она узнала, что Селена освободила территорию, отказавшись от Аристидеса, она могла бы ответить ему взаимностью.

Не замечая нахмуренного лица Селены, Кассандра восторженно продолжила:

— И сколько ты собираешься его мучить? Наверное, один день пойдет за каждый месяц его отсутствия. И добавим еще одну неделю за последний проступок.

— Касс, я не собираюсь его мучить. Я вообще ничего не собираюсь с ним делать. Я отказала ему. Точка.

Кассандра внимательно посмотрела на нее и покачала головой:

— Спонтанная реакция. Это можно понять. Но она явно неправильная. Я знаю, что после фиаско, случившегося с твоей так называемой помолвкой со Стивом, к которой тебя изо всех сил подталкивали твои домашние, ты никогда серьезно не думала о браке. Думаю, это они виноваты в том, что ты стала сверхсамодостаточной, привыкнув к постоянному окружению подходящих, но таких занудных женихов. Но тебе почти тридцать, и ты больше не хранишь себя для какого-то принца, потому что ради Сарантоса ты нарушила обет целомудрия и родила от него ребенка. Бог мой, Селена! И если Аристидес предложил тебе выйти за него замуж, кто может быть лучшей кандидатурой, чем он?

— Или худшей, — пробормотала Селена. — Этот человек — враг моей семьи. Мой враг. Пока он не докажет обратного. И даже тогда он может кинуть нас, если ему представится случай заработать еще один миллион долларов за наш счет.

— Это бизнес, — покачала головой Кассандра.

— Лично для меня он ничего не значит, — пытаюсь унять дрожь в голосе, заверила ее Селена. — И для Алекса тоже. Что бы он ни предлагал, в его предложении нет сердца. Одной из претензий моего отца к нему было то, как Сарантос относится к членам своей семьи. У него шесть братьев и сестер, и вместо того, чтобы принимать активное участие в их жизни, он откупается от них чеками. Даже когда погиб его младший брат, он не остался с ними, чтобы утешить и ободрить их, а уехал сразу после похорон. Я не хочу, чтобы мой ребенок столкнулся с таким отношением. Пусть он лучше вообще не знает, кто его отец, чем чувствует себя отвергнутым.

Кассандра задумчиво пожала плечами:

— М-м-м. Я не знала, что все так ужасно. Но не будь такой строгой. Человек, который построил целую империю, не имея должного образования, после того как бросил школу в двенадцать лет, который в возрасте четырнадцати лет начал бизнес с одной рыбацкой шхуны, может быть действительно очень занятым. Как я уже сказала, обычные правила не имеют ничего общего с ним. Может, у него есть что-то, чем можно компенсировать вещи, которые для обычных мужчин являются чем-то естественным.

Попытки Кассандры найти в Сарантосе что-нибудь положительное еще больше убедили Селену в обратном.

— Только не в случае с его родными. К тому же эта постоянная война между ним и членами моей семьи. Аристидес может пообещать, что сделает все, чтобы прекратить ее, но есть возможность, что, прочитав новые условия нашего соглашения, он пошлет меня ко всем чертям и уничтожит всех нас. Добавим ко всему моих братьев, которые никак не успокоятся с тех пор, как узнали о моей беременности. Если эти управляемые тестостеронами здоровяки узнают, что Алекс ребенок Сарантоса, они либо разорвут его на куски, либо под дулом пистолета вынудят нас пожениться.

— Но его не нужно заставлять! Он сам сделал предложение.

— Конечно. А когда я отказала, он наверняка испытал невероятное облегчение. Теперь он с чистой совестью, если только она у него есть, может вернуться к своей работе и женщинам не самых строгих правил.

Кассандра сочувственно посмотрела на Селену:

— По крайней мере, подумай над этим. Ради меня, ладно? Я бы хотела заняться твоим свадебным нарядом. И остальным приданым!

Селена обняла свою подругу с благодарностью за то, что та, как ей казалось, пыталась отговорить ее от роковой ошибки.

Но Селене казалось, что более ужасной ошибкой будет, если она впустит в свою жизнь человека, который не знает, что такое чувства. Пусть это будет даже отец ее ребенка.

Селена проснулась с тяжелой головой, ее всю ночь мучили кошмары. Какие-то ужасные щупальца тянули ее в бездонную пучину. Самым страшным был момент, когда все в ней закричало от желания сдаться...

Алекс все еще спал, она могла в этом убедиться благодаря радионяне, которая лежала рядом на туалетном столике. Но она все равно поднялась и поспешила к нему в детскую. Селена всегда по утрам первым делом заглядывала к своему малышу. Сегодня у нее на душе почему-то было как-то беспокойно.

Селена была на пути к детской, когда в дверь позвонили. Она остановилась и посмотрела на часы, висевшие на стене. Ровно восемь утра. Обычно в это время приходит Элен.

Но тут Селена нахмурилась. Сегодня была суббота. И Элен не придет, потому что Селена отпускала ее на выходные, проводя эти дни с сыном, чтобы хоть как-то компенсировать свое отсутствие на протяжении целой недели.

Кто это пришел в такую рань?

Она поспешила к двери, ее воображение рисовало одну картину страшнее другой. Она распахнула дверь и...

Там стоял Аристидес. Она впервые за всю свою жизнь видела его в повседневной одежде. В своих голубых джинсах он выглядел просто безупречно. Аристидес посмотрел на нее, затем его взгляд проследовал в коридор, ведущий к ее апартаментам.

Селена не сводила с него глаз.

Ничего не изменилось и вряд ли изменится.

Вместе с тем ей безумно хотелось затянуть его внутрь, наброситься на него и сказать, что она согласится на все, что он ей предложит.

Так долго сдерживаемые чувства готовы были вырваться наружу. Желание, которое она подавляла. Одиночество и депрессия, которые мучили ее во время беременности и первых месяцев после рождения Алекса. Покорность тому, что она будет матерью, деловой женщиной, сестрой, другом, но никогда женщиной, что она больше никогда не почувствует его объятия.

Теперь она знала, что больше не хочет отвергать его. Она сама предложит ему себя, чтобы больше не чувствовать себя отвергнутой, чтобы еще раз пережить ту близость, то острое наслаждение, которого она могла достичь только с ним...

— Если ты пришел, чтобы проверить, не изменила ли я свое решение, — начала Селена, — то я...

Он перебил ее едва слышный лепет:

— Я пришел сказать, что изменил свое. Я хочу, чтобы ты забыла все, что я тебе предлагал.

Глава 5

Селена не поверила своим ушам. Теперь она поняла, почему его называли дьяволом.

Аристидес Сарантос был коварным, сводящим с ума и похищающим сердца мучителем. Сначала он изматывал свою жертву постоянными, неустанными и бесконечными убедительными аргументами, а потом вдруг становился невероятно притягательным. А затем подобно бездушному и безразличному океану заманивал свою добычу на самое дно и вытряхивал из нее все, что составляло ее сущность. Кто бы ни противостоял ему, его силы в

конце концов истощались.

Аристидес сказал ей, что ее отец умер вскоре после его звонка. Она не могла себе представить, что могло настолько вывести его из себя. Ведь жесткие и ограничительные условия последней сделки с Сарантосом не отличались от тех, которые он ставил при заключении предыдущих контрактов.

Но теперь Селена понимала, насколько она заблуждалась. Как Аристидес мог разозлить ее отца, лишит его сил, а потом неожиданно ударить.

То же самое он сделал с ней. Он подавил ее волю, заставил ее сходить с ума от желания, которое удовлетворить мог только он, а потом бросил ее. И теперь он снова здесь.

За последние два дня он измучил ее. Аристидес делал вид, что дает ей возможность убежать только для того, чтобы снова преследовать ее, пока она не сдалась и уже не желала ничего, кроме того, чтобы броситься в расставленные им сети. И теперь он говорит ей, что ничего такого не было, и она предоставлена своей судьбе, какой бы та ни была.

Селена не могла пошевелиться. Он нависал над ней подобно злому великану, и она ждала, что он вот-вот разразится дьявольским смехом.

Но он всего лишь вздохнул:

— Ты была права, когда отказала мне. И когда сказала, что я сам не знаю, что делаю.

Ее сердце учащенно забилося. Но не от его слов, а от того выражения искренности и раскаяния, которое она прочла у него на лице.

Селена собралась с духом и спокойно ответила:

— Спасибо, что дал мне знать об этом. Хотя вряд ли ради этого стоило проделывать такой путь. Ты просто мог оставить все, как есть. Я ведь вчера ясно дала тебе понять, что между нами ничего не может быть.

Прежде чем из ее глаз хлынули слезы, Селена потянула дверь к себе с такой силой, что чуть не повредила себе пальцы на руках.

Но дверь наткнулась на какое-то препятствие. Его ладонь.

— Я не могу так просто это принять, — тихо сказал Аристидес.

Что хочет ее мучитель? Может, он заканчивает одну игру, чтобы начать другую?

— Я никогда ни от чего не отказываюсь, если до конца не уверен, что это не сработает. Я понял, что сделал вам обоим неприемлемое предложение, и поэтому я забираю его назад. Но я пришел, чтобы предложить кое-что другое. Тест на пригодность.

Селена в полубморочном состоянии прислонилась к двери.

— Но зачем все это? Мы оба знаем, что ты... не годишься для роли отца и мужа.

Сарантос задумчиво посмотрел на нее:

— Ты снова права. Ни у тебя, ни у меня нет причин поверить, что это не так. Может быть, для

вас с Алексом было бы лучше всего забыть о моем существовании. А может и нет. Я всего лишь хочу, чтобы у нас появился шанс узнать это наверняка. Ты считаешь, что я... не гожусь ни для каких личных взаимоотношений. Я прожил с таким же убеждением всю свою жизнь. И никогда у меня не появлялось причины, чтобы усомниться в этом. Но теперь такая причина есть. И даже две.

— Но ты ведь признал, что не годишься быть воскресным отцом и любовником.

— Я согласен, что биологическое отцовство не означает, что я автоматически могу стать отцом настоящим, воспитывать своего ребенка, проводить с ним время и так далее. И то, что я был твоим любовником две ночи, не значит, что я могу... быть кем-то большим для тебя. Но вдруг у меня получится. Вот что я хочу узнать.

Селена открыла рот от изумления:

— Но почему?

— Ну, тут все понятно.

— Только не для меня. Ты ведь никогда не стремился к каким-либо взаимоотношениям.

— Это было в прошлом. А мы говорим о настоящем. Мы с тобой никогда прежде не оказывались в подобной ситуации. Я считаю, что ради самих себя и ради Алекса мы должны разобраться, кем мы можем и кем не можем быть друг для друга.

— Но как это сделать? — пришла в замешательство Селена.

— Я хочу провести сегодняшний день с вами.

От этих слов она потеряла дар речи и потрясенно смотрела на него.

— Если я хочу испытать себя на... пригодность, мне нужно оказаться в нужных условиях, то есть провести обычный день с Алексом. Если у нас все получится, это может стать началом новых отношений.

Селена попятилась.

— Я не думаю, что это хорошая идея. И не спрашивай почему.

Аристидес вошел за ней внутрь помещения.

Селена вдруг поняла, что наконец она видит его в своем доме, в своем внутреннем мире, который она создала для себя и своего ребенка.

Ее воображение не раз рисовало картину их встречи.

Но реальность оказалась намного более ошеломляющей. А ведь он всего лишь переступил порог ее дома. И даже не прикоснулся к ней.

— Не думаю, что я прошу слишком многого.

Его нежный взгляд и тихий голос сводили Селену с ума. Она не могла собраться с мыслями и только качала головой.

— Ты ведь знаешь, если бы я обратился куда надо, чтобы отстоять свои права, мне было бы позволено куда большее.

— Ты угрожаешь мне? — вспыхнула Селена.

— Нет. Я просто хочу сказать, что у меня тоже есть права на Алекса.

Ее ноги подкашивались, она вспомнила ночные кошмары и бездонную пустоту, которая готова была ее поглотить.

— Но не на меня.

— Я ничего от вас двоих не требую. Я прошу это, как подарок. Один день. Селена, пожалуйста, не откажи мне.

Земля покачнулась у нее под ногами. Впервые за все время их знакомства он назвал ее по имени.

На его губах оно прозвучало как мольба, как заклинание.

Вдруг его глаза сузились, и он весь напрягся. Затем тихо добавил:

— Он проснулся.

Селена сперва не поняла, о чем он говорит, пока не услышала лепет своего малыша.

Аристидес снова посмотрел на нее, и время остановилось. Никогда она не видела его таким озадаченным, уязвимым, потрясенным. Ей показалось, что он переживал то чувство, которое она испытывала каждый раз, когда слышала голос своего ребенка. Ее сердце тут же таяло от нежности и любви.

Вдруг наверху все затихло, а потом раздался громкий вопль.

Селену охватила дикая паника, и она помчалась по ступенькам наверх. Она слышала, как захлопнулась входная дверь, и Аристидес бросился за ней вдогонку.

Селена ворвалась в детскую, где все утопало во мраке. Но она с закрытыми глазами могла найти дорогу к кровати Алекса.

— Сокровище мое, я здесь.

Аристидес распахнул шторы, и в комнату хлынул поток весеннего солнечного света. Селена осмотрела Алекса и поняла, что ее малыш снова пытался выбраться из кровати, а когда у него ничего не получилось, заревел от разочарования, но потом успокоился и возобновил попытку, как раз когда она вбежала в комнату.

Алекс зажмурился от резкого света, а потом улыбнулся ей своей милой улыбкой, от которой сладко сжималось сердце. Он протянул к ней свои ручки, обрадовавшись, что она пришла и достанет его из кровати.

Селена подхватила его на руки, прижала крепко к своей груди и покрыла поцелуями его личико и золотистые волосики. Она ворковала с ним и нежно выговаривала ему за то, что он пытался улизнуть из кровати. Он как котенок прижался лицом к ее груди и мурлыкал от удовольствия. Затем он замер, поднял голову, и его глаза округлились от удивления, когда он

увидел Аристидеса.

Малыш заерзал у нее на руках и потянулся к Аристидесу, требуя взять его на руки. Селена никогда не видела, чтобы Алекс так тянулся к кому-нибудь. Даже когда приходили его родные дяди, которые были рядом с самого его рождения, ребенок шел к ним на руки только после того, как Селена подбадривала его, обнимала их и показывала, что они не представляют опасности и что она любит их.

Она думала, что в тот раз Алекс потянулся к Аристидесу просто случайно. Что его огорчила Элен, и ему хотелось удрать от нее к кому-нибудь, пусть даже абсолютно незнакомому человеку.

Но она ошибалась. Алекс так относился только к Аристидесу. Он хотел на руки к своему отцу.

У Селены закружилась голова. Может ли такое быть, что Алекс узнал Аристидеса, услышал зов крови?

Что до Аристидеса... Во время их первой встречи Селена наблюдала за выражением лица Сарантоса и могла сказать, что он выглядел очень взволнованным. Сейчас она просто впиалась в него взглядом, пытаясь понять, что он чувствует. Он все еще волновался. Но это было какое-то другое чувство, похожее на трепет.

Аристидес повернулся к ней, спрашивая взглядом, можно ли ему взять на руки Алекса.

— Я никогда не держал ребенка.

— Даже своих братьев и сестер?

Он покачал головой:

— Да. И домашних животных у меня тоже не было.

— Он успокоился, теперь можно его взять. — Она ослабила объятия и отпустила свое сокровище, доверив его Аристидесу, который принял его дрожащими от волнения руками. Алекс тут же возмущенно закричал.

— Не нужно прижимать его так сильно, — улыбаясь, сказала Селена.

Аристидес кивнул и с осторожностью ослабил хватку, как будто боялся, что малыш выскользнет из его рук и упадет на пол. Алекс устроился поудобнее и принялся исследовать отца своими глазками и ручками, водя ими по лицу Аристидеса.

— Привет, Алекс, — сказал Аристидес и повернулся к Селене: — Мне представиться или ты сама сделаешь это? Все-таки ты хозяйка дома.

Она бы не сделала этого даже под дулом пистолета. Жестом Селена показала ему, чтобы он продолжал.

Аристидес тяжело вздохнул. Алекс пришел в восторг от того, как поднялась и опустилась могучая грудь его отца. Он засмеялся и захлопал ладошками, требуя повторения.

К большой радости малыша Аристидес еще несколько раз широко вздохнул и выдохнул, а потом положил свои ладони на ладошки Алекса:

— Может, это и весело. Но вряд ли наше... знакомство пройдет хорошо, если у меня будет кружиться голова.

Алекс замер, прислушиваясь к звучному голосу Аристидеса, глядя как загнипнотизированный в его бездонные глаза. Селена была уверена, если бы он умел говорить, он бы сказал: «Да, сэр».

— Что ж, теперь, когда ты обратил на меня свое внимание, позволь мне представиться. Алекс, я твой папа.

Селена покачнулась и схватилась за кровать. Она не надеялась, что когда-либо услышит эти слова из его уст. И она могла поклясться, что Алекс его понял. Иначе почему он запищал от радости?

— Твоя мама зовет меня Аристидес или Сарантос, — продолжил Аристидес. — Но мне хотелось бы, чтобы она называла меня Арисом, а ты называл меня папой. Как насчет того, чтобы попробовать это сегодня?

— Он еще не умеет говорить, — дрожащим голосом заметила Селена.

— Слишком рано? — растерянно спросил Аристидес.

Она недоверчиво посмотрела на него:

— Ты совсем ничего не знаешь о детях?

— Ничего, кроме того, что они пугливые, хрупкие, шумные и требуют постоянного внимания.

Селена тихо засмеялась:

— Это правда. Но они также настоящие сокровища и абсолютно заслуживают родительского самоотречения.

— Так думают не все, — мрачно ответил Аристидес.

О ком он сейчас подумал? О себе?

Селена повернулась к начавшему хныкать Алексу:

— Он хочет кушать. Он всегда просыпается голодным.

— Я тоже.

Селена задрожала. Она вспомнила, как он просыпался. Изголодавшийся. Он хотел ее, потом поест. Потом опять ее...

Чтобы не выдать своих чувств, она подошла к Аристидесу и протянула руки, чтобы забрать Алекса. Но малыш еще теснее прижался к своему отцу.

— Ах ты, предатель, — улыбнулась Селена.

Аристидес звонко рассмеялся и проследовал за ней на кухню.

Жестом Селена указала Аристидесу на высокий стульчик, куда он усадил ребенка с такой осторожностью, с какой саперы обезвреживают взрывные устройства.

Аристидес выпрямился и с триумфом посмотрел на Селену.

— Раз уж он не хочет тебя отпускать, — насмешливо сказала она, — можешь приступить к остальным утренним процедурам.

— Ты хочешь, чтобы я покормил его? — ужаснулся Аристидес.

Селена едва сдержалась, чтобы не рассмеяться, увидев на его лице выражение абсолютной беспомощности.

— Час от часу не легче? Это и есть повседневная жизнь родителей.

Аристидес покачал головой. Его взгляд задержался на ее груди.

— Ты не кормишь его грудью?

Селена представила Аристидеса, склонившего голову к ее груди и ласкающего ее соски, и ее колени задрожали. Она усилием воли прогнала эти мысли и протянула ему тарелку с едой для Алекса.

— Ты думаешь, что для этого мне пришлось бы спускаться на кухню? А что до твоего вопроса, нет, я не кормлю его грудью. Он сам кушает. Ты не отвлекайся.

Аристидес зачерпнул ложечку пюре и протянул Алексу, который с удовольствием проглотил предложенную ему пищу.

— Он действительно проголодался.

— Он тебе кого-то напомнил? — улыбнулась Селена, сгорая от желания запустить пальцы в его шелковистые густые волосы.

Он повернулся к ней, и на его лице заиграла улыбка. Первая искренняя улыбка за все время их знакомства.

— Мы, Сарантосы, любим поесть.

— Алекс не Сарантос.

Селена тут же пожалела о своих словах, когда увидела, как помрачнело его лицо.

— Я говорю о биологии, — после паузы ответил Аристидес. — В остальном он ваш. Лувардис.

Селена задумалась, насколько сильным было его желание сделать Алекса Сарантосом. Он был «слишком» греком, чтобы не потребовать того, что принадлежало ему по праву.

В кухне воцарилась тишина. Алекс, казалось, и не заметил внезапно возникшего напряжения между своими родителями, так как слишком увлекся процессом поглощения вкусного пюре. Когда с завтраком было покончено, Селена жестом указала Аристидесу, чтобы он достал Алекса из стульчика, и направилась в гостиную, где их ждал второй этап повседневной реальности, которую он так жаждал увидеть и разделить с ней.

Они вошли в залитую солнцем гостиную, и Аристидес опустил малыша в манеж. Алекс сразу же занялся своими игрушками с такой же энергией, с которой его отец набрасывался на бизнес-проекты.

Ее кот Аполло породы турецкий ван выгнул спинку и, вместо того чтобы убежать при виде незнакомца, прыгнул с дивана и вальяжно подошел к Аристидесу. Селена не могла поверить своим глазам, когда Аристидес позвал кота, и тот прыгнул к нему на руки.

Аристидес погладил кота и опустил его на землю.

— Алекс — это его полное имя? — спросил Сарантос, глядя на малыша.

— Его зовут Александрос.

Аристидес кивнул:

— Значит, ему девять месяцев.

— Десять. — Аристидес удивленно посмотрел на Селену. — По развитию. Я должна отсчитывать один месяц, пока ему не исполнится годик.

— Но ему должно быть девять месяцев, — нахмурился Аристидес.

— Не веришь, что он твой сын? — с вызовом спросила Селена.

— Уверен, что мой, — без колебаний ответил Аристидес. — Не просто потому, что я понял это, стоило мне только взглянуть на него, но потому, что тебе бы доставило удовольствие сказать мне, что он не мой.

— Такой поступок не принес бы мне никакого удовольствия. Я не мстительная. И почему я должна была переживать об этом? Мне в голову не приходило, что ты захочешь появиться в его жизни.

— Значит, ты родила его раньше срока. Почему?

— Почему у женщин случаются преждевременные роды? — наклонив голову, чтобы избежать его прямого взгляда, переспросила Селена.

— Я уверен, что по разным причинам. Что случилось с тобой?

— Предлежащая плацента, если тебе это о чем-то говорит.

Аристидес взглядом попросил ее объяснить, что она имела в виду.

— Плацента опустилась слишком низко и начала кровоточить. Неделю спустя у меня начались преждевременные роды.

— Это больно? А сами роды?

— Кровотечение было безболезненным. А роды были тяжелыми только последние пару часов. Схватки длились целый день.

— Мне следовало быть там, — мрачно заявил он. Снова повисла пауза. Потом уголки его губ тронула едва заметная улыбка. — Но я сейчас здесь.

Потом, когда она предложила ему позавтракать, он преподнес ей еще один сюрприз. Оказалось, что на кухне он был таким же непревзойденным, как и в спальне.

Когда они наполнили подносы едой и вернулись обратно в гостиную, Аристидес поинтересовался, как они проводят выходные.

Селена проглотила приготовленный им блинчик с копченой семгой и облизнулась:

— А ты?

Он пожал плечами:

— У меня нет выходных.

— То же самое было у меня, пока не появился Алекс.

— Ты работала во время беременности?

— Да.

— Ты плохо кушала, — поднял от своей тарелки глаза Аристидес. — Ты сейчас худее, чем раньше.

— Тебе не нравится?

Он восхищенно провел взглядом по ее телу:

— Только то, что ты не следишь за своим здоровьем.

Селена отвела глаза, пытаясь справиться с охватившим ее волнением:

— Было много забот и тревог, а с появлением Алекса их стало еще больше.

— Что же тебя тревожит? — участливо поинтересовался Аристидес.

— Все. Кажется, это и значит быть матерью.

— Расскажи мне.

Его простая и вместе с тем настойчивая просьба заставила ее осознать, как сильно ей хотелось поговорить об этом. Но рядом никого не было. А теперь он здесь.

— Я постоянно тревожусь о вещах, которые раньше никогда не приходили мне в голову или которые я привыкла считать чем-то незначительным. Да что там говорить, я придумываю эти тревоги, и каждая из них становится навязчивой идеей. Когда мне пришлось оставить Алекса, чтобы вернуться на работу, я изводила себя всевозможными сценариями событий. Если Элен не отвечала после первых двух звонков, я бросалась в машину и ехала домой. Первый раз, когда такое случилось, я как сумасшедшая вылетела с парковки, а потом, очутившись в пробке, бросила машину и помчалась сюда.

— Почему она не отвечала?

— Она купала Алекса. А потом не додумалась проверить телефон и не увидела пропущенные звонки. Она сказала, что теперь носит телефон с собой, даже когда принимает ванну у себя дома.

Аристидес улыбнулся:

— Я бы, наверное, поступил так же.

После этого их беседа стала более легкой и непринужденной. Селена подробно рассказала обо всем, что с ней случилось с того момента, когда она узнала о своей беременности. Аристидес с жадностью ловил каждое ее слово. И когда в разговоре случались паузы, они не были напряженными, но содержательными и располагающими к дальнейшей беседе.

Селена не могла поверить в происходящее. Она даже не подозревала, что общение с ним может быть таким приятным. И это только часть целой картины. То, что происходило между ним и Алексом, потрясло ее еще больше. Алекс занимался своими игрушками, явно счастливый из-за присутствия Аристидеса. Она удивлялась, каким чутким и бережным было отношение Аристидеса к своему сыну.

Часы пролетали незаметно. Теперь они вместе делали то, чем обычно занималась она одна. Аристидес привнес новизну в их повседневные занятия, превратив их в настоящее веселье: он поиграл с Алексом, поменял ему памперс, покормил его и уложил спать.

Потом, к ее превеликому удовольствию, он приготовил вкусный обед. Когда проснулся Алекс, они покормили его и попили чаю.

За два часа до того, как Алекс должен был отправиться в свою кроватку, Аристидес внезапно поднялся и заявил, что ему необходимо ненадолго отлучиться. Увидев, что Аристидес собирается уйти, Алекс разревелся, но Аристидес успокоил его и заверил, что он скоро вернется.

Час спустя Селена подумала, что он больше не придет. Но тут в дверь позвонили.

Она бросилась открывать.

Селена боялась увидеть кого-нибудь другого, но это был Аристидес.

На этот раз у него в руках были цветы и две яркие коробки с подарками.

Заметно волнуясь, он вручил ей цветы и направился к Алексу, который на этот раз кинулся к нему с еще большим восторгом.

Аристидес присел возле него и открыл коробки, по ходу объясняя, что он ему принес. В одной коробке была развивающая книжка. Во второй была игрушка, сделанная из цветных пластиковых колечек.

Алекс тут же занялся книжкой. Аристидес показал Селене на вторую игрушку и объяснил:

— Это для растущих зубиков. Ее можно охлаждать.

Он все подметил. То, что Алекс заталкивал себе в рот все, что попадет ему под руку. Она сама это заметила и собиралась купить ему пару грызунков. И он принес ей именно тот сорт лилий, которые она обожала. Он заметил, что эти цветы были на посуде, на подносах и подставках.

Его подарки были недорогими, но... правильными.

Прошло некоторое время, и Алекс, который увлеченно играл у их ног, лег на бочок и тут же уснул.

— Он сейчас частенько так делает, — пояснила Селена, встретив встревоженный взгляд

Аристидеса. — До этого восемь месяцев он не давал мне нормально выспаться.

— Очень мило с его стороны, — нежно пробормотал Аристидес. — Он требует достаточно внимания на протяжении дня.

Селена кивнула и поднялась. Она взяла Алекса на руки и отнесла в детскую.

Они вышли в коридор, и в шаге от ее спальни Аристидес остановился.

Чтобы унять волнение, Селена повернулась к нему и улыбнулась:

— Еще раз спасибо за подарки... Арис.

Его глаза загорелись, когда он услышал свое имя, слетевшее с ее губ.

— Не нужно было делать этого.

— Но я хотел. И я очень рад, что вам с Алексом все понравилось. — Прежде чем она успела что-либо сказать, он притянул ее к себе и нежно поцеловал. — Селена, это тебе спасибо за сегодняшний день.

Она прильнула к нему, желая забыться и раствориться в его объятиях. Она подумала, что он возьмет ее на руки, отнесет в спальню и положит конец ее мучениям, но он отстранился и выпустил ее из объятий.

— Думаю, это значит, что у меня есть право прийти сюда еще раз. — Аристидес направился к двери, но перед тем, как закрыть ее за собой, он повернулся и посмотрел на Селену. — До завтра, дорогая моя.

Глава 6

Селена провела бессонную ночь. Она прокручивала в памяти каждое мгновение проведенного с Арисом дня.

Арис, теперь она называла его только так, мог ведь остаться на ночь. Он знал, что может сделать так, что она будет умолять его остаться. Но он не сделал этого. Почему?

Селена знала, что он хотел ее. Прижимаясь к нему, она почувствовала, как его охватило желание. Тем не менее он ушел.

Эксперимент, который он ставил, не включал в себя секс. Как она сказала ему ранее, здесь было нечего доказывать. Они в совершенстве подходили друг другу.

А вдруг она ошибалась? Вдруг он так же реагировал на каждую достаточно привлекательную особу женского пола? И другие женщины могли давать ему то же самое, что давала она. Арис настаивал, что их отношения особенные, но так делают все мужчины, которые хотят добиться от женщин их согласия. Но сейчас он все усложнил. Теперь секс не стоял первым в списке его интересов или его «эксперимента».

К тому времени, когда в ее окна постучался рассвет, ее сомнения достигли своего пика.

И она решила. Она сама позвонит ему утром и скажет, что не может принимать участия в его эксперименте. Если он хочет видиться с ребенком, они могут договориться об этом. Если их соглашение сработает, они смогут обсудить вопрос насчет того, чтобы он законно усыновил

Алекса.

Лично она не хочет принимать участие во всем этом. Селена не сомневалась, что часть эксперимента, которая касалась их двоих, обязательно провалится. Несмотря на искушение, она никогда не пускалась в подобные рискованные предприятия, которые были заведомо обреченными.

Ровно в восемь утра она набрала его номер.

Спустя секунду она услышала сигнал вызова. На другом конце коридора.

Ее сердце бешено заколотилось.

Арис.

Селена подумала, что он увидит ее номер, даст отбой и позвонит в дверь. Но когда он делал то, что от него ожидали?

Трубка все еще была прижата к ее уху, и Селена услышала его бархатистый голос:

— Kala mou, Селена. Надеюсь, ты спала лучше, чем я.

— Если ты провел ужасную ночь, мы квиты.

Она услышала его мягкий, мелодичный смех, от которого по ее телу разлилась сладкая истома.

— И теперь ты собираешься наказать меня, оставив за дверью?

Значит, он знал, что она в курсе того, что он стоит снаружи ее дома. Но она не собирается спрашивать, откуда такая прозорливость, и не будет притворяться, что это не так.

— Если ты полагаешь, что заслуживаешь наказания, значит, ты считаешь, что являешься причиной моей бессонной ночи.

— Знаю только, что ты являешься причиной моей бессонной ночи. Хотя я не против наказания. На самом деле сама идея заставила меня взволноваться. Но только если ты сделаешь это своими руками. Kala mou, открывай дверь и принимайся за дело.

В довершение ко всему он обратился к ней на греческом языке и назвал ее «моя красавица». Как теперь сказать ему о решении, которое она только что приняла?

Но это нужно сделать. Ей следует открыть дверь и объясниться с ним.

На трясущихся ногах она подошла к двери и распахнула ее.

Перед ней стоял Арис, облаченный в шикарный серый костюм, так подходивший к его глазам. На этот раз с ним была женщина. Селена в недоумении посмотрела на них. Аристидес в ответ широко улыбнулся:

— Селена, позволь представить тебе Каллиопу.

Селена изумленно посмотрела на необыкновенно красивую девушку, которая на вид была на несколько лет младше ее. Каллиопа стояла, прижавшись к Аристидесу, как будто боялась, что ее может унести внезапным порывом ураганного ветра.

Она была одного роста с Селеной, но ее тело отличалось более пышными формами. Белая блузка еще больше оттеняла ее великолепный загар, золотистые волосы и пронзительно голубые глаза.

Селена не знала, что сказать в ответ. Каллиопа отпустила Ариса и протянула ей руку. Селена пожалала ее в ответ, а Каллиопа притянула ее к себе и выпалила:

— Это правда? У вас ребенок от Аристидеса?

Селена чуть не упала в обморок. Он сказал ей? Да кто она такая?

Аристидес успокаивающе посмотрел на Селену:

— Да, если хочешь сохранить что-нибудь в тайне, расскажи это Каллиопе. — Он как-то смущенно посмотрел на девушку. — Селена, разреши представить, это моя младшая сестра Каллиопа.

Сестра?

— Так как у Элен сегодня выходной, я попросил Каллиопу присмотреть за Алексом, пока нас не будет.

— Что?

Каллиопа удивленно посмотрела на Селену:

— Вы не в курсе? Мне следовало догадаться, что для вас это будет такой же неожиданностью.

Аристидес иронично улыбнулся, глядя на свою сестру:

— Потому что, когда я сказал тебе все, как есть, ты с такой скоростью бросилась к машине, что я едва поспевал за тобой.

— Конечно, я бросилась. Когда мой старший брат говорит, что у него есть сын, которому исполнилось десять месяцев, когда я даже не подозревала, что он способен на такие вещи... — Каллиопа прикусила губу. — Я не хотела сказать, что ты не способен на это. Я не так выразилась. Просто я никогда не думала, что у тебя может быть все как у людей...

Каллиопа опять закусила губу и виновато посмотрела на Аристидеса. Он слегка нахмурился:

— Всегда приятно узнавать, что обо мне думают члены моей семьи.

— Ты же знаешь, что мы любим тебя несмотря на то, что мы о тебе думаем... — Каллиопа снова замерла и застонала, скорчив лицо. — Ладно, я замолкаю.

Аристидес пожал плечами, глядя на пунцовые от смущения щеки сестры:

— Теперь, когда мы устроили очень наглядную рекламную кампанию на глазах у Селены, матери моего чудесного ребенка, будем надеяться, что нас все-таки пригласят в дом.

— Ты хочешь сказать, что она не впускает тебя в дом, как какого-то вампира?..

Аристидес странно посмотрел на застывшую Селену:

— Во-первых, я не из тех, кто не способен вступить в связь с человеческими существами. Ты можешь доказать этой всезнайке, что она ошибается?

— Вообще-то она недалеко от истины, — хрипло ответила Селена, отступая на шаг назад и жестом приглашая их войти. — Ты действительно выпиваешь кровь своих соперников.

— Значит, вы со мной согласны? Но тем не менее вы не устояли перед ним? Это только убеждает меня в правильности моей теории, — затараторила девушка.

Селена подумала, что немного ошиблась насчет Каллиопы. Теперь она казалась намного моложе, чем с первого взгляда. Возможно, ей чуть больше двадцати, и она лет на пятнадцать моложе Ариса. Селена не знала, что у него есть братья и сестры такого возраста. И не имела ни малейшего представления, что он может обращаться с кем-то с таким терпением и снисхождением.

— Разве кто-то сможет поспорить с вами двоими? — вздохнул Аристидес, последовав за Селеной и Каллиопой в гостиную. Они уселись на диван, а он остался стоять перед ними, то и дело поглядывая на дверь.

— Думаю, сейчас самое время встретиться с Алексом. Он, по крайней мере, не считает меня монстром.

— Он уже должен проснуться, — ответила Селена, чувствуя себя неловко за то, что поддержала его сестру и набросилась на него.

— Чудесно! — воскликнула Каллиопа. — Поверить не могу, что у меня есть племянник, сын Аристидеса! И что я проведу с ним целый день!

— Но я не смогу оставить Алекса! — запротестовала Селена, не зная, как взять ситуацию под свой контроль.

Каллиопа легонько сжала ее руку:

— Можете. У меня есть две старших сестры, которые только и делают, что рожают детей. Поэтому я весьма поднаторела в том, что касается ухода за детьми всех возрастов. — Она задумалась на секунду. — Хотя сейчас речь идет о сыне Аристидеса. — Тут ее брови слегка нахмурились. — Может, он слишком неуправляем, и я не смогу справиться с ним!

Аристидес громко захохотал:

— Каллиопа, можешь быть уверена, Алекс не такой монстр, как его отец.

— Я не это имела в виду! — закатила глаза его сестра. — Наверное, мне следовало записывать то, что я говорю. — Посмотрев на Селену, она еще больше засмушалась. — У меня и в мыслях не было обидеть вашего ребенка. Ладно. Я слишком много болтаю. Но не каждый день случается такое, что ко мне заявляется предводитель Сарантосов, поверяет мне свои тайны и, вызывая глубочайшее потрясение, просит о помощи.

— А сейчас ты делаешь все для того, чтобы такое больше не повторилось, — с иронией заметил Аристидес.

— О нет! — воскликнула Каллиопа. — Клянусь я больше ни слова не скажу. Я буду самой лучшей нянечкой, и тебе еще не раз придется обратиться ко мне.

— Уж это решать Селене. — Арис вопросительно посмотрел на Селену. — Могу я пойти и принести Алекса?

Селена хотела крикнуть, что она сама это сделает. Но остановилась. Все-таки он был отцом Алекса. Пусть она пока не готова объявить об этом всему миру и не уверена, что он останется с ними до конца своей жизни, он доказал, что ему можно доверить ребенка. Пока. А что будет дальше... время покажет.

Селена кивнула, давая согласие. И ее сердце сжалось от радости, когда она увидела, с каким восторгом он бросился в детскую.

Каллиопа тихо рассмеялась:

— Ого! Неужели это мой старший брат? — Селена тоже улыбнулась в ответ, но следующие слова Каллиопы стерли улыбку с ее лица. — Надолго ли его хватит?

Тут в комнату вошел Аристидес с Алексом на руках. Последний не скрывал своей радости.

Каллиопа поднялась на ноги и открыла рот от изумления:

— Бог ты мой! Достигнуть такого поразительного сходства!

— Алекс, эта хорошенькая леди с широко открытым ртом — твоя тетя, — довольно усмехнулся Арис. — Это значит, что она моя младшая сестра, хотя создается впечатление, что ее совсем не радует этот факт.

Казалось, Алекс понимает каждое его слово. Он радостно засмеялся и спрятал свое личико на широкой груди своего отца.

— Алекс, можно взять тебя на руки? — потянулась к нему Каллиопа. — Я умру, если ты отвергнешь меня.

Малыш подозрительно посмотрел на этого прекрасного ангела с золотистыми волосами и еще сильнее прижался к отцу.

Арис поцеловал сына в макушку и, приподняв его личико, посмотрел внимательно ему в глаза:

— Ну-ка, Алекс. Она не такая страшная, как кажется на первый взгляд. — Он бросил на сестру насмешливый взгляд. — Она чудесная и любит детей. Но должен тебя предупредить, у нее не забалуешь. Я хочу забрать твою маму погулять и не хочу, чтобы она тревожилась о тебе каждую секунду. Поэтому будь хорошим мальчиком, не мучай свою тетюшку Каллиопу и позволь ей позаботиться о тебе. Я обещаю, что мы придем до того, как ты ляжешь спать. Договорились?

Алекс заворуженно слушал отца и потом радостно закричал в знак согласия.

Арис поцеловал его в лобик и протянул Каллиопе.

— А теперь позволь своей тетюшке взять тебя на руки, пока она не свалилась в обморок от переполняющих ее чувств.

На этот раз Алекс послушно пошел на руки к Каллиопе. Она начала ворковать с ним, прижимая к себе, как будто Арис мог передумать и забрать малыша обратно. Довольный Алекс тут же приступил к изучению ее лица, волос, украшений.

Арис повернулся к Селене:

— Почему бы тебе не одеться, пока Алекс и Каллиопа знакомятся друг с другом?

— Нам обязательно куда-то выходить? Мы бы чудесно провели время все вместе.

— Нет. Нам нужно побыть вдвоем.

— Ладно. Но, может, мы пойдем, когда Алекс ляжет спать? Каллиопе будет легче. У меня есть куча дисков с фильмами. Она может посмотреть их, пока мы пойдем поужинать, или в кино, или еще куда-то.

— У вас есть сериал «Остаться в живых»? — оживилась Каллиопа. — А «Доктор Хаус»?

— Все сезоны, — осветила Селена в надежде, что Арис передумает и она успеет сказать ему о своем решении прежде, чем наступит время их прогулки.

— Если нужно, я останусь на ночь! — в восторге воскликнула Каллиопа.

— Нет, не нужно, — категорически заявил Арис.

— Спасибо, но я сама решаю, что мне нужно. И я никуда не хочу идти.

Она сказала это.

Арис посмотрел на нее и обворожительно улыбнулся:

— Нет, хочешь. Просто мне кажется, что ты решила все-таки отказать мне в том, чтобы провести эксперимент до конца. — Он прочитал ее мысли! — Но ты сама дала мне слово.

— Я ничего не обещала, это ты заявил, что у тебя есть право на еще один день.

— Твое согласие подразумевалось. — Его взгляд вдруг стал очень серьезным. — Селена, хватит воевать со мной. В этом нет необходимости.

— Еще какая необходимость. Так ведут себя люди, когда понимают, что их пытаются подчинить. А ты мастер в таких делах.

Аристидес пожал плечами:

— Я просто хочу, чтобы ты дала мне возможность пройти это до конца. Ты видела меня только в постели и в кабинете. Ты совсем меня не знаешь. Как ты это сделаешь, если мы не будем проводить время вместе? Вдруг нас объединяет нечто большее, чем наш чудесный ребенок и неугасимая страсть?

— Послушай... насчет второго пункта... — начала Селена, но он не дал ей договорить и притянул к себе.

Он властно прижался к ее полуоткрытым губам, и она потеряла всякое желание сопротивляться.

Где-то отдаленно она услышала женский возглас и детский лепет. Ей следовало почувствовать себя оскорбленной, но она ничего не могла с собой поделать и полностью отдалась головокружительному поцелую.

Аристидес немного отстранился от неё, посмотрел ей в глаза и прежде, чем снова прильнуть к ее губам, спросил:

— Так что там насчет второго пункта?

И она поняла, что не сможет отказать ему. Потому что ее желание не угасало, оно переполняло ее и заставляло забыть обо всем на свете. Ей придется капитулировать. Пока.

Она вырвалась из его объятий и поздравила себя с тем, что у нее получилось развернуться и не упасть при этом.

— Хорошо. Ты получишь еще один день. Но все остальное мы будем обсуждать вместе.

— Так точно, мадам. — Он окинул ее взглядом и улыбнулся. — Не забудь надеть юбку.

У нее задрожали коленки.

— Только после тебя. — Раскрасневшаяся, она выскочила из комнаты, и сопровождаемая его звонким смехом, бросилась наверх переодеваться.

Селена надела юбку.

Вернее, платье. Это не значило, что она подчинилась требованию Ариса. Просто это платье было самым подходящим для дневного выхода в свет. Остальные наряды были или слишком официальными, или слишком повседневными. А она собиралась выглядеть на все сто рядом с этим образцом мужской красоты.

Арис одобрительно посмотрел на ее наряд, медленно провел глазами по манящим изгибам ее бедер под струящейся тканью платья, по стройным ногам и туфлям на платформах. Но он не стал выражать свой восторг вслух. Достаточно мудро с его стороны. Иначе она стукнула бы его чем-нибудь потяжелее.

Но когда они остались наедине, на протяжении целого дня он неустанно повторял, какая она обворожительная и соблазнительная. А Селена никак не могла насытиться его комплиментами, изголодавшаяся по ним, так же как и по самому Аристидесу.

Она очень удивилась, когда он предложил ей выбрать, куда пойти, так как полагала, что он все продумал заранее. Он никогда раньше не гулял по этому городу, поэтому предложил ей показать ему ее любимые места.

Он разбередил ее сердце. Аристидес с такой готовностью откликнулся на любое ее предложение. Он последовал за ней на причал, потом на Бруклинский мост. Затем они прокатились в запряженном лошадьми экипаже, покормили птичек и устроили пикник под гигантским дубом в Центральном парке.

Несколько часов спустя, когда они поужинали и допили горячее какао, он набросил на нее свой пиджак и притянул к себе.

Она таяла от его прикосновения, вдыхая опьяняющий запах его одежды, его тела. Он потерялся подбородком о ее макушку, зажмурившись от удовольствия.

— Селена, огромное спасибо, что показала мне город. Эти два дня будут самыми счастливыми в моей жизни.

Она взволнованно заглянула в его глаза:

— Поверить не могу, что ты так часто сюда приезжал, но нигде не бывал.

— У меня никогда не было подходящей компании. А теперь есть.

У нее сжималось сердце. Казалось, что он чувствовал себя бесконечно одиноким.

Как будто услышав ее мысли, он вздохнул:

— Хотя я никогда не ощущал, что я что-то упустил. Но теперь вижу, что так оно и было.

Селена теснее прижалась к нему, словно пытаясь впитать ту боль, которая так долго мучила его.

— Мне казалось, что я знаю город, в котором прожила всю свою жизнь. Но сейчас, в компании с тобой, я как будто посмотрела на него другими глазами...

Рядом с ними на траву присела птичка, заставив ее проглотить конец предложения. Хорошо, что так случилось. Признаваться в том, что она была счастлива посмотреть город с ним, было бы слишком рано.

Какое-то время они сидели, окруженные безмятежной тишиной.

Вдруг Аристидес сказал:

— Я думаю, пока мы всего не решили, нам следует держать наши отношения в тайне. — Судя по всему, он увидел в ее глазах сомнение, потому что поспешил продолжить свою мысль. — Я не хочу, чтобы личная неприязнь, которую члены твоей семьи питают ко мне, и разборки в бизнесе негативно повлияли на наши отношения.

Если честно, ей тоже этого не хотелось. Но она отнеслась к его словам с большим подозрением и разочарованием. Вдруг ей захотелось очутиться далеко от него. Она начала подниматься. Но он с необыкновенной ловкостью оказался на ногах раньше ее и помог ей подняться.

Она пошла вперед. Арис последовал за ней.

Вдруг он подпрыгнул в воздух.

Селена удивленно посмотрела на него. Аристидес держал в руках летающую тарелку фризби. Потом она услышала тихий смех. Повернувшись, Селена увидела десяток хороших студентов в коротеньких юбочках и облегающих топах.

Аристидес вручил тарелку полногрудой блондинке, которая подошла к нему с вызывающей улыбкой на губах. Он мило улыбнулся ей и ее подругам, сказал какую-то шутку и попрощался.

Все это не заняло больше двух минут. Но этого было достаточно, чтобы у Селены испортилось настроение.

Они шли молча. Селена думала о том, как она могла обманывать себя, поверив, что такой мужчина, как он, может быть одиноким. Поверив, что в его глазах она отличалась от толпы девиц, которые постоянно охотились за ним.

— Ты делаешь это на автопилоте?

Аристидес удивленно поднял брови.

— Покоряешь женщин, — объяснила Селена.

— Я могу сказать то же самое о тебе. Только ты делаешь это с мужчинами, — послал ответный удар Аристидес.

— Я и близко не оказываю на них такого воздействия, какое ты оказываешь на женщин.

— Ты хочешь сказать, что не заметила, как у мужчин при виде тебя отваливались челюсти? Я уже почти жалею, что попросил тебя надеть юбку. Это только подчеркнуло твою женственность.

— Вот уж не надо. Мужчины не набрасываются на меня.

— Нет. Потому что мужчины ждут, когда им подадут знак. А вот женщины пользуются преимуществом бросаться на мужчин без того, чтобы быть обвиненными в сексуальных домогательствах.

— Ты хочешь сказать, что устал от женского внимания? Твоя репутация плейбоя превратилась в легенду.

— Это всего лишь миф. Но если уж мы занялись обменом недоразумений, я мог бы перечислить все случаи, когда ты оставляла настоящее опустошение в рядах более слабых по сравнению с женщинами представителей мужского пола.

— Мужчины более слабые? — фыркнула Селена. — На какой планете ты живешь?

— На этой. А вот ты как раз живешь на другой, раз не понимаешь, что женщины намного выносливее мужчин.

— Значит, все эти истории о тебе — ложь? — продолжила Селена после паузы.

— Я никогда не был неразборчивым в связях. Никогда не был склонным к этому.

— Но у тебя была куча случайных связей.

— Это журналисты так написали. Но с тех пор, как мне исполнилось пятнадцать лет, я могу сосчитать на пальцах случаи, когда у меня был секс. За эти двадцать пять лет у меня было не так уж много женщин. Я порывал отношения не из-за того, что гонялся за новыми ощущениями, но потому, что не мог найти то единственное, которое хотелось бы переживать снова и снова. На самом деле большинство моих отношений закончилось ничем, потому что меня больше не влекло к этим женщинам. Вообще женщины — очень сложные и трудные для понимания существа.

— Ты мне прямо-таки глаза открыл.

— Да ладно тебе. Я говорю о том, что некоторые мужчины думают, что женщины годятся только для чудесного времяпрепровождения, они полагают, что выигрывают только от отношений, не связанных никакими условностями. Но на самом деле все не так. Женщины всегда ставят условия, и они требуют времени и внимания. Я никогда не располагал ни тем ни другим. И я принимал предложения только от тех женщин, которые четко формулировали свои условия, на которые я мог согласиться без того, чтобы поступиться своими приоритетами.

Ей не нравилось, что он так откровенно разглагольствует о своих похождениях, но все же она испытывала чувство облегчения, что все оказалось не так ужасно, как она себе представляла.

— Как насчет подарков?

— Я делал подарки не только своим девушкам, но каждому, кто, на мой взгляд, мог оценить их, и потому, что я мог себе это позволить. Они не были благодарностью за то, что кто-то делил со мной постель. Хотя это выражение скорее метафорично. У меня никто никогда не оставался на ночь.

— Кроме меня, — прошептала Селена.

Его взгляд помрачнел.

— И я не хотел, чтобы наши отношения закончились. Но ты сбежала.

— Я не знала, что делать дальше. Подумала, что это должен решить ты.

Его лицо превратилось в маску.

— Ты могла бы оставить хоть какой-то знак, чтобы я понял, что ты не посчитала нашу встречу самой большой ошибкой в своей жизни.

Губы Селены задрожали.

— Ты мог бы позвонить мне. Хотя бы для того, чтобы поблагодарить за хорошо проведенное время. Я могла бы дать тебе понять, что не против встретиться еще раз.

Повисла гнетущая тишина. Наконец Аристидес тяжело вздохнул:

— Значит, мы оба совершили ошибку. И потеряли почти два года.

— За это время ты наверняка нашел... замену.

— Чего? — сердито спросил Аристидес. — Другие женщины больше не могли мне дать того, что я пережил с тобой.

У Селены замерло сердце.

— Ты хочешь сказать, что после меня у тебя никого не было?

— Да, — просто ответил он. — А у тебя?

— Ну, если ты не заметил, мне было не до этого. Сначала беременность, потом роды, ребенок.

Аристидес пристально посмотрел на нее, как будто желая проникнуть в ее мысли:

— Только поэтому ты не... встречалась с другими мужчинами?

— Нет, — откровенно признала она. — Но я не могу поверить, что ты переживал то же самое.

— Но почему? Почему ты не можешь поверить мне? Я понял тогда, что не хочу ничего другого. Ничего другого после того, когда я пережил с тобой те ощущения, которых всегда искал и никогда не переставал жаждать.

После этого признания, которое поселило в ее душе полную сумятицу, они, как будто сговорившись отложить на время откровенный разговор, ни разу не вернулись к нему за весь оставшийся вечер.

Настало время возвращаться домой.

Когда они вошли в дом, их уже встречали Каллиопа с Алексом. При виде их Алекс завопил от радости. Они обняли своего малыша и нежно расцеловали.

Арис и Каллиопа остались после того, как Алекс отправился спать. Арис приготовил легкий ужин для своих «леди». Каллиопа потеряла дар речи, когда увидела, как он направился на кухню. Потом с каждой ложечкой божественного на вкус суфле, приготовленного им, она повторяла, как в ее голове все перевернулось с ног на голову.

Арис только загадочно улыбался. А Селена задумалась над тем, сколько всего ей еще предстоит о нем узнать.

В первом часу ночи Арис поднялся и сказал, что пора уходить.

Сначала они тихонько зашли в детскую. У Селены ком подступил к горлу, когда она увидела, с какой нежностью Аристидес поцеловал свою маленькую копию. Ей хотелось предложить ему остаться с ними.

Но этот шаг был бы очень поспешным, несмотря на то, каким необыкновенным оказалось время, которое они провели вместе.

У двери Арис отошел в сторонку, пока Селена и Каллиопа обнимались и договаривались о будущих встречах. Каллиопа поблагодарила за чудесно проведенный день, который она провела не только с Алексом, но и с Селеной, а что еще главное, со своим старшим братом, которого она имела возможность узнать заново.

Потом он пропустил Каллиопу к лифту, а сам повернулся и помахал Селене рукой.

Она смотрела на него, и на ее глазах блестели слезы.

Арис одним прыжком оказался рядом с ней.

— На этот раз никаких поцелуев на прощание, чтобы ты не пошла на работу в таком ужасном состоянии, в каком сегодня проснулся я, и никого не довела до банкротства и не отправила в тюрьму.

Она улыбнулась. Он сдерживался ради нее. Вдруг он со стоном схватил ее руку и прижал к своим губам:

— Kala mou, у меня будет еще один день?

— Да, — дрожащим голосом ответила Селена.

Еще одного дня не получилось.

Все, что у них было следующие две недели, это выпадающие время от времени случайные встречи. Селена виделась с Арисом после того, как заканчивала свою работу, если только ему позволяли приехать его собственные дела. Но две недели подряд свои выходные ему пришлось

посвятить работе.

Оттого что она видела его так редко, ей хотелось проводить с ним все больше времени. Она жаждала узнать его ближе. Ей нравилось открывать в Аристидесе что-то новое, чего она никак не ожидала найти в нем.

В пятницу он пообещал, что приедет к семи часам. Но приехал в одиннадцать, когда Алекс давно мирно спал в своей кровати.

Ее сердце сжалось, когда она увидела, насколько уставшим он был. И он выглядел таким напряженным.

Стоило ему присесть, как зазвонил его мобильный телефон.

Арис извинился и вышел на балкон. Она слышала, как он резко с кем-то разговаривал. Потом он вернулся, швырнул телефон на диван и сердитый направился в ванную.

Когда он вышел, на его волосах блестели капельки воды. Видимо, для того, чтобы успокоиться, он сунул голову под струю холодной воды.

Селене хотелось успокоить его, и она подошла ближе.

Арис повернулся к ней и тихо сказал:

— Селена, все бесполезно. Это не работает.

Глава 7

Селена чуть не задохнулась:

— Н-не работает?

Его слова прозвучали как гром среди ясного неба.

Она оцепенело смотрела, как он покачал головой и еще больше помрачнел.

— Я очень надеялся, что все получится, что я смогу сделать так, чтобы это сработало. Но все напрасно.

Селена еле держалась на ногах. Но он продолжил, разбивая ее сердце на мелкие кусочки:

— Я был идиотом, когда поверил, что смогу построить свое расписание так, чтобы проводить больше времени с вами. Я ведь не знал, что Алекс потребует столько времени и внимания.

Он отказывался от них.

Говорил, что все кончено, не дав этому по-настоящему начаться.

Нет. Он не может так поступить. Он ведь так хотел, чтобы все получилось. И их отношения начали налаживаться. Пусть дальше все пошло немножко не так, но ведь можно было бы постараться лучше организовать свое время. Они имели возможность получить то, что обещали первые два дня их общения. Стать счастливыми друг с другом.

Селена посмотрела в его глаза, в которых бушевал ураган, и поняла, что Аристидес все решил.

Он разрывает их отношения.

— Мне нужно отдохнуть, или я просто не знаю, что сделаю. — Арис запустил пальцы в свою густую шевелюру и сжал череп, как будто хотел ослабить давление, грозившее раздавить его. — Мне казалось, я смогу уменьшить темп, выиграть время, пока не пойму, как заставить наши отношения работать, чтобы все вышли победителями или, по крайней мере, не очень сильно пострадали.

Две недели назад Селена была уверена, что это будет естественной реакцией на любые близкие отношения и ответственность. Что Арис почувствует себя связанным по рукам и ногам, что ему станут ненавистными те, кто в нем нуждался. Она была уверена, что Арис... Аристидес Сарантос рожден, чтобы стать завоевателем, но не тем, кто заботится о своем потомстве.

Но он показал себя с совершенно другой стороны. Она нашла в нем то, о чем даже мечтать не могла.

Он показался ей почти что... идеальным.

Может, сейчас ему открылось, что со временем от него потребуется больше, чем он приготовился дать, поэтому он решил порвать отношения, пока его вмешательство в их жизнь не нанесло непоправимого ущерба?

Ей следовало поблагодарить его, что он понял это не слишком поздно и что был с ней откровенен.

Но она не могла. Селена ничего не чувствовала, кроме душераздирающей, невыносимой боли. Злость придет позже. На саму себя. За то, что позволила себе поверить в лучшее, что была настолько слабой и рискнула своим сердцем.

Ее изначальное сопротивление и цинизм могли натолкнуть его на мысль, что она переживет этот разрыв так же легко, как и он.

Арис не заметил, что с ней творилось в эти минуты, и продолжил объяснять свою точку зрения:

— Когда я сказал всем, кто имеет хоть какое-то отношение к нынешним переговорам, которые сопровождаются настоящими боевыми действиями, что я еще не готов вынести решение, что мне нужен месяц времени, чтобы все обдумать, они как будто с ума сошли. Мне казалось, все расслабятся и мы немного сбавим скорость, но они посчитали, что я планирую какой-то неслыханный маневр. Теперь все преследуют меня, чтобы добиться от меня хотя бы какого-нибудь намека, гарантии или на худой конец защиты от последствий принятого мною решения.

Селена озадаченно нахмурилась:

— Ты говоришь о контракте с американским флотом?

Это была сделка, которую Лувардисы хотели заключить без Сарантоса.

— О нем, — сжал челюсти Аристидес. — Они не верят в то, что я откладываю принятие решения, потому что я действительно не готов к этому. Они считают, что я таким образом хочу избавиться от своих противников. И теперь, вместо того чтобы передохнуть, они ждут конца света, а мне нужен всего лишь один месяц, чтобы все хорошо обдумать. Или не думать вообще. Хотя бы раз в жизни.

Селена не понимала, какое отношение эта сделка имеет к его заявлению о том, что их эксперимент полностью провалился.

— Твои братья просто взбесились. Они приступили к исполнению своих угроз и в открытую поддерживают Ди Джорданоса в качестве строителя. И теперь каждый, кто боится потерять хотя бы цент, если я вдруг останусь не у дел, преследует меня, как будто это вопрос жизни или смерти.

Селена тряхнула головой, чтобы перевести свои мысли из сферы личных отношений в сферу деловых:

— Я почти закончила со списком основных условий заключений сделок наших компаний. Если ты предложишь его моим братьям, они изменят свою позицию.

Он уже говорил ей о том, что не хочет рисковать и вовлекать ее в войну, которую вел с ее братьями, чтобы они не заподозрили об их отношениях. И пообещал найти другой путь решения проблемы. Но если дела пошли так плохо, может, он пересмотрит свое решение.

Арис прикрыл глаза, посидел так минуту и посмотрел ей прямо в лицо. В его взгляде она прочитала свой приговор.

— Нет. Этим маневром я больше потеряю, чем выиграю. На этот момент они ничего не смогут сделать без моего ведома. Поэтому я оставляю все в подвешенном состоянии, пока не решу, что мне делать дальше. Сейчас, впервые за всю свою жизнь, я не вижу приемлемого выхода из ситуации. И у меня такое состояние, что, если меня начать подталкивать, не поздоровится никому.

То, что он провел с ней и с Алексом эти две недели, превратило его жизнь в такой хаос? Их нужно занести в Книгу рекордов Гиннеса за то, что они стали причиной таяния ледника под названием Аристидес Сарантос. Видимо, он решил как можно быстрее вернуться к своей обычной жизни, чтобы восстановить свою репутацию.

Селена отвернулась и перевела дух:

— В таком случае поступай так, как ты считаешь нужным. Что до нас, все это было всего лишь экспериментом. Никто ведь не исключал провала.

Повисла звенящая тишина. Потом она услышала потрясенный голос Аристидеса:

— О чем ты говоришь?

Она сделала вид, что занята разливанием чая.

— Если это не работает, значит, не работает. Лучшее, что можно сделать в этой ситуации, это двигаться дальше. Хорошо, что нам открылось это не слишком поздно.

Арис подошел и встал у нее за спиной. Она не поворачивалась, всем естественным ощущая исходящую от него силу.

— Ты подумала, что я говорю о наших отношениях? Что это они не работают? — возмущенно спросил он.

— А разве нет?

— Я имел в виду это! — Он махнул рукой в сторону снова зазвонившего телефона. — Он звонит не переставая. И я не могу отключить его. Потому что, если я это сделаю, они везде найдут меня, а я не хочу, чтобы они последовали за мной сюда. Бог мой, Селена... ты подумала... — Арис остановился, его глаза метали молнии. Потом он схватил ее за плечи. — Как ты могла? Я зашел в тупик только потому, что вот это мешает мне проводить больше времени с тобой и с Алексом. Это... вторжение в мою жизнь, которому я хочу положить конец.

Селена облегченно вздохнула, но потом снова заволновалась и кивнула в сторону телефона:

— Арис, но это не может закончиться. Это — твоя жизнь.

— Нет, — возразил он. — Пока это моя самая большая битва, а я не могу воевать должным образом, потому что тут замешана твоя семья, потому что я не хочу вмешивать сюда наши с тобой отношения, и из-за всего этого я не могу быть тем, кем мне хотелось бы быть для тебя и для нашего сына.

— Но в дальнейшем тебя ждут еще более серьезные сражения и всегда найдется что-то, что будет препятствием для полноценных отношений между нами.

— Нет. Так не будет. Наши отношения еще до конца не утвердились. Я многого еще не знаю, только учусь тому, что значит жить семьей. Мы проводим эксперимент, но в таких условиях я не могу получить справедливую оценку. Это грозит мне провалом, а я не могу себе позволить провалиться. Вот почему мне нужно исчезнуть куда-нибудь.

Селена в замешательстве попятилась. Арис остановил ее и прижал к себе:

— Я не имел в виду, что я хочу побыть один. Селена, поедем со мной. Только мы втроем. Ты, я и Алекс.

Арис заглянул в ее глаза. Ему казалось, его сердце колотится так неистово, что сотрясает все его тело, и за этими ударами Селена не может расслышать, что он ей говорит.

Казалось, она действительно не услышала его. Или вдруг перестала понимать.

Может, она подумала, что он сошел с ума, предложив ей уехать с ним?

Но с недавних пор его жизнь, которая раньше контролировалась холодным рассудком и железной логикой, превратилась в настоящий хаос. Теперь, принимая решения, он руководствовался одними лишь чувствами. Единственное, что волновало его в этой жизни, это быть с Селеной и с Алексом.

Аристидес стремился к этому с целеустремленностью, намного превосходившей ту, которая помогла ему оказаться на вершине делового мира. И он осознал, что они с Селеной заблуждались. Он не был бесчувственным, особенно когда дело касалось их двоих.

Раньше он верил, что в бизнесе нужно держать людей на расстоянии и для собственного же спокойствия и большей эффективности не переводить чисто деловые отношения на более личный уровень. Он никогда не подпускал к себе членов своей семьи, никогда не стремился общаться с ними и принимать сердечное участие в их жизни. Они жили своей жизнью, и ему казалось, что они ничего не теряют от того, что он держится от них на расстоянии.

Но с Селеной и Алексом все было совершенно по-другому.

Они принадлежали ему.

Этот собственнический инстинкт по отношению к ним, преобладавший над остальными чувствами, оказался для него чем-то новым, всепоглощающим.

Аристидес страшился, что мир может вмешаться, погубить их еще не успевшие окрепнуть отношения и разлучить его с Селеной и Алексом. Реакция Селены на его признание только подстегнула его страхи. Она с такой готовностью истолковала его слова неправильно и так легко согласилась разорвать то, что их связывало.

Значило ли это, что она не верила в него, думала, что рано или поздно он бросит их с Алексом, может быть, даже ждала этого?

Аристидес почувствовал горькую обиду. Но он не винил Селену. Он не собирался отказываться от своей прошлой жизни из-за двух пусть таких чудесных дней и встреч урывками на протяжении этих двух недель.

Сейчас ему необходимо получить еще один шанс, чтобы доказать Селене и себе, что он достаточно вынослив, что может быть тем, кем хочет быть он сам и кем его хотят видеть Селена и Алекс.

Нужно уехать отсюда как можно скорее. Вместе. И оставаться вдалеке от этой суеты как можно дольше.

Когда Аристидес повторил свое предложение, от волнения у него бешено заколотилось сердце.

— Селена, поедem со мной на Крит. Несколько недель на солнце. Никто не будет влезать в наши отношения, и мы сможем все свое время и внимание дарить друг другу и нашему сыну. Больше двадцати лет у меня не было отпуска. А у тебя, наверняка, последние десять. И разве есть для этого лучшее место, чем золотые берега Греции?

Ее глаза цвета полуночного неба расширились от изумления, в них с калейдоскопической скоростью отразился вихрь эмоций, которые тут же передались Аристидесу.

— Пожалуйста, *kala mou*. Скажи «да», — с мольбой в голосе сказал он.

* * *

Да.

Это единственное, что она смогла ему ответить.

Селена договорилась обо всем с Кассандрой и сказала своим братьям, что нуждается в отдыхе, поэтому решила присоединиться к подруге, которая отправляется путешествовать по Европе. Она пообещала звонить им время от времени, чтобы они знали, что с ней и с Алексом все в порядке.

И вот она здесь, на полпути к другому концу земного шара, где их встречает частный самолет Аристидеса.

Несмотря на то что Арис заверил ее, что семья его тетушки по материнской линии, которая живет в его особняке, имеет огромное количество опытных нянечек, которые, когда понадобится, охотно присмотрят за Алексом, Селена решила привезти с собой Элен. Арис

предложил ей пригласить всю семью Элен, если та вдруг засомневается. Хотя сомневалась скорее сама Селена, которой не хотелось окружать себя толпой народа, чтобы они втроем смогли по-настоящему уединиться. Но он убедил ее, что его дом спроектирован таким образом, что их уединенность никто не сможет нарушить, даже если вокруг будет находиться сотня людей. Дело кончилось тем, что с Селеной и Алексом поехали Элен со своим мужем, их дочь, зять и внуки. Представители старшего поколения предвкушали свидание с «отчизной», а остальные просто наслаждались неожиданно выпавшим счастьем провести шикарные каникулы на Средиземном море.

По прибытии в аэропорт города Ираклиона, административного центра Крита, их встретил Аристидес и, заняв место пилота собственного суперсовременного вертолета, повез их домой. Они приземлились в двух километрах от особняка на небольшой взлетной полосе, где их уже ждали два лимузина.

Обособняк представлял собой комплекс из нескольких зданий, расположенных в оливковой рощице, куда направился второй лимузин. Их с Арисом машина направилась к главному зданию, которое было полностью отгорожено от остальных, что, как и обещал Аристидес, обеспечивало им полное уединение.

Они остановились перед огромным трехэтажным домом, который возвышался на холме, плавно переходящем в морское побережье. Дом прятался в густых зарослях пальмовых деревьев, сосен и кипарисов. В объятиях этой сочной, пышной зелени отштукатуренный каменный дом отливал матовым золотом подобно пляжам, которые простирались до вод Средиземного моря, такого насыщенного изумрудно-зеленого и лазурного цвета, которого Селена никогда не видела за всю свою жизнь.

Селена задрожала от острого чувства наслаждения, которое наполнило все ее естество. Ей кружила голову близость Ариса, захватывающая красота и ароматный целительный воздух этого райского местечка. После промозглой погоды, которая стояла в Нью-Йорке, местный климат дарил им настоящую весну, напоенную ароматами цветов и насыщенную чистым, свежим воздухом.

Арис повел ее по широким каменным ступеням, ведущим к портику, украшенному величественными коринфскими колоннами. Селена посмотрела по сторонам и увидела, что само здание и прилегающая к нему территория занимают огромную площадь. Но не это потрясло ее больше всего.

Большую часть своей жизни Селена прожила в большом роскошном особняке приблизительно таких же размеров, сделанном в колониальном стиле. Подобные дома населяли и люди, в кругу которых она вращалась. Но дом Аристидеса превосходил их всех.

Повсюду ее окружали великолепные мозаики на темы Древней Греции, уносящие прочь напряжение лихорадочной современной жизни, от которой они с Арисом сбежали всего лишь несколько часов назад. Селене казалось, как будто дом манит их погрузиться в размеренный ритм жизни древних греков. Он был новым, но в то же время отражал архитектурный стиль, насчитывающий несколько столетий, и возвращал ее во времена ее предков, чья кровь заговорила в ней сейчас. Селена почувствовала свою принадлежность этой стране на уровне инстинкта, тогда как раньше она являлась для нее фактом, признанным только лишь на интеллектуальном уровне.

Когда они с Алексом в объятиях Ариса вошли внутрь, Селена впервые в жизни почувствовала, что значит вернуться домой.

Селена восторженно ахнула, окинув взглядом великолепный дизайн и убранство внутренних помещений. Здесь не наблюдалось ни грамма претенциозности, никаких замысловатых узоров и нагромождения мебели, которая часто служит для того, чтобы подчеркнуть богатство ее владельца и его сомнительный вкус. Селена ни чуточки не сомневалась, что окружающее ее великолепие — заслуга Ариса, его потрясающего вкуса и тонкого чутья.

Гостиная была оформлена в уютных и спокойных песочных тонах. В ее центре находился громадный каменный камин. Селена подняла голову. Высоченный потолок в два этажа дарил ей ощущение полета, сквозь широкие окна высотой от пола до потолка потоками лился солнечный свет, заставляя ее почувствовать себя как никогда свободной. Прозрачные стекла окон открывали вид на потрясающий внутренний сад и плавательный бассейн.

Тут за ними на пороге появилась пожилая пара загорелые и пышущие здоровьем мужчина и женщина лет шестидесяти с небольшим. Селена догадалась, что это, скорее всего, тетя Аристидеса Олимпия и ее муж Кростос. Они пришли в замешательство, увидев Аристидеса, сжимающего в своих объятиях ее и Алекса, как будто он боялся, что они исчезнут, стоит ему хоть чуточку эти объятия ослабить.

— Аристидес, наконец-то ты приехал! — на греческом обратилась к нему женщина, бросив на Алекса и Селену взгляд, полный любопытства и, как показалось Селене, скрытой надежды, что они придутся Аристидесу именно теми, кем показались на первый взгляд.

— Могу поспорить, вы чувствовали, что мой приезд будет... не таким, как всегда, — ответил Арис тоже на греческом.

Селена удивленно посмотрела на него. Она постоянно забывала, что, в отличие от нее, Аристидес грек в полном смысле этого слова. Он не получил американского гражданства. И его великолепный английский, один из многих языков, на которых он разговаривал достаточно свободно, имел какой-то акцент, который только усиливался, когда Арис чувствовал себя особенно уставшим. Но от этого каждое слово, слетавшее с его уст, становилось еще более волнующим.

Аристидес подвел Селену с Алексом к своим родственникам, которых, наклонившись, поочередно расцеловал в щеки.

Потом он повернулся к Селене:

— Kala mou, знакомься, пожалуйста, это моя Thai Олимпия, а это This Кростос. — Затем Арис обратился к своим тете и дяде: — Встречайте, это Селена Лувардис, а это наш сын Александрос. Надеюсь, вы сможете мне сделать так, чтобы их пребывание здесь осталось незабываемым.

У Селены все внутри сжалось. Они были его тетей и дядей. Алекс был его сыном.

И только она была сама по себе.

Хотя как иначе мог он представить ее? Бывшей любовницей, с которой у него была небольшая интрижка? Случайной матерью его сына? Участницей эксперимента?

При упоминании своего имени Алекс радостно пискнул в знак подтверждения. Он тербил сорочку своего отца, требуя его внимания. Арис в ответ нежно поцеловал сына. В такие минуты проявления чувств Селена могла видеть, насколько все естество Аристидеса пропитано любовью к их малышу. Потом Арис что-то зашептал Алексу на ушко и наклонил его вперед,

ближе к своей тете.

Руки Олимпии дрожали от переполнявших ее чувств. Она бережно взяла Алекса и прижала к себе. Малыш, казалось, теперь был согласен пойти на руки к кому угодно, потому что ему доставляло удовольствие слушаться своего отца.

В объятиях тети Ариса Алекс довольно заулыбался, отчего на ее глазах заблестели слезы.

— Ох, Аристидес, мой дорогой, наконец. Твой сын!

Алекс посмотрел на Ариса, требуя похвалы за послушание. Тот нежно потрепал его за щеку.

Селена чуть не заплакала от того счастья, которое светилось в его глазах.

— Да, наконец, — волнуясь, подтвердил Аристидес.

Следующие несколько дней они обживались.

Арис выделил ей и Алексу одно из восьми помещений, почти такое же огромное, как ее многокомнатная квартира в Нью-Йорке, а сам поселился напротив них, по другую сторону огромного холла. В помещение Селены вели также отдельные ступеньки с нижнего этажа, которыми пользовалась Элен, когда приходила посмотреть за малышом.

Теперь, когда Арис не пропускал ни одной минуты, чтобы побыть с Алексом, Элен заступала на смену, только когда малыш спал. А спал он теперь дольше обычного, потому что тратил очень много энергии, восторгаясь, что его папа проводит с ним целый день и что он находится в таком чудесном и волшебном месте.

Когда он спал, Селена оставалась наедине с Арисом.

Сейчас как раз выпало такое время.

Рука об руку они шли по уединенной части морского побережья. Оба сосредоточенно молчали. Под ногами переливался золотой песок, рядом плавно покачивались искрящиеся на солнце волны, задавая ритм их сердцам.

Селена время от времени украдкой бросала страстные взгляды на Ариса. Каждый раз, когда он смотрел ей в глаза, ее тело пробирала дрожь. Иногда она неуверенно улыбалась ему. Иногда смеялась. Или, выпустив его руку из своей, бежала по направлению к мерно плещущимся волнам, покрытым шелковистой пеной.

Разве ее можно было винить за это? Она оставила суматошный город и перенеслась сюда, в это райское место, где ей угождал и прислуживал бог удовольствий и искушений.

Последний раз она так резвилась, когда ей было лет десять. Устав, Селена рухнула на теплый песок и, раскинув руки, как будто желая обнять ярко-голубой купол неба, вздохнула:

— Подумать только, я всегда была уверена, что у тебя нет дома.

Арис опустился рядом с ней. Приподнявшись на локте, он провел глазами по ее изящной и гибкой фигуре:

— У меня его нет.

Она села, удивленно оглянулась и вопросительно посмотрела на него:

— А как же... все это?

Он пожал плечами и устремил свой взгляд на горизонт:

— Это не совсем дом. Не в том смысле, чтобы я когда-либо намеревался жить в нем.

— Тогда зачем же ты его купил?

— Вообще-то я его построил.

— Но зачем, если ты никогда не собирался в нем жить?

Он снова пожал плечами:

— Я думал, что строю его для своих братьев и сестер на случай, если они вдруг захотят вернуться домой, на родину. Но пока они приезжают сюда только на несколько дней, чтобы отдохнуть.

Значит, он построил этот дом не для себя. И не для будущей семьи. Ведь он полагал, что у него никогда не будет таковой. Сможет ли такой человек, как он, когда-нибудь измениться, восстановить связи, которые он отвергал всю свою жизнь?

Но ведь должна же быть причина, по которой он построил свой дом именно здесь.

— Ты родился где-то поблизости? — попыталась вывести правду Селена.

— На самом деле я построил дом здесь, потому что, когда я был маленьким, этот уголок острова был дальше всего от того места, где я родился.

Вот в чем причина. Отрицательная. На уровне эмоций. Она говорила о том, что Арис не руководствовался одним лишь холодным рассудком и практическими соображениями. Он подобно другим человеческим существам был подвержен эмоциональным порывам.

— Крит здесь в ширину всего несколько километров. Мой дом находился на другой стороне острова, которая выходит на Ливийское море. Я пешком пересекал остров, чтобы добраться до туристического города и порта Агиос Николаос, который расположен на востоке Ираклиона. Там я получил свою первую работу в доках. Я начал исследовать необжитые территории, пока не наткнулся на эту бухточку. Когда мне хотелось уединиться, я часто приходил сюда и часами гонялся по тому холму, на котором сейчас стоит дом, а потом садился поесть, если у меня была с собой еда, и посмотреть, как садится солнце и на небе зажигаются звезды. После того как мне исполнилось десять, и до пятнадцати лет я чаще засыпал под звездным куполом неба, чем дома. Когда мне удалось сколотить первый миллион, я сразу же купил эту землю. И несколько лет назад закончил строить это поместье.

Так много информации. Вмещающей такие душевные страдания, одиночество и невзгоды и поведенной с такой искренностью и беспристрастием. Селене ужасно хотелось узнать подробности того, что с ним случилось, что заставило его превратиться в человека, вселяющего ужас в окружающих, которого ничего в жизни не интересовало, кроме власти. Человека, который завладел ее мыслями и желаниями и собирался сделать то же самое с ее приоритетами и планами на будущее.

— Почему ты не стал добиваться американского гражданства?

Он вздохнул, по-прежнему глядя на горизонт:

— Не видел смысла.

— Но все твои братья и сестры теперь — американцы.

Арис кивнул:

— Я привез их в Америку, когда они были еще маленькими, и они больше никуда не захотели уезжать. А я не хотел быть привязанным к одному месту, чтобы ничто не удерживало меня там, чтобы никто не вмешивался в мои дела или рискованные предприятия, в которые я пускался. Еще несколько дней назад я не хотел ничего другого.

Аристидес замолчал.

Селена с трудом сдерживалась, чтобы не забросать его вопросами, которые теснились в ее голове и не давали ей покоя. Отчего он убежал, когда был маленьким? Где была его семья, когда он не ночевал дома, а оставался один на берегу моря, беззащитный, совсем юный, уязвимый и одинокий? Но что самое главное, как ему удалось занять его теперешнее положение, если изначально все было против него?

Но он и так многим поделился с ней по собственному желанию. Она не станет торопить его, но подождет, когда он снова откроется ей и ответит на мучившие ее вопросы.

А пока нужно довольствоваться малым и не просить большего.

Вдруг он притянул ее к себе и воспроизвел вместе с ней то, о чем только что рассказывал. Они сидели и молча смотрели, как солнце медленно погружается в море, а на небе зажигаются первые звезды.

Селена не могла оторваться от волнующего зрелища, открывавшегося ее взгляду.

Впереди нее шел Арис. Его обнаженный торс отливал бронзовым загаром, в его волосах играли солнечные лучи. Он вел за руку такого же необыкновенно красивого, загорелого и визжащего от восторга Алекса.

Не в силах унять дрожь, Селена прикрыла глаза. Уже две недели, как она сходила с ума по Аристидесу. Она не могла ни дня прожить без того, чтобы не увидеть его, не услышать звук его голоса и не ощутить на себе его взгляд. Она становилась зависимой от него, от того, как умело он превратил ее с Алексом дуэт в трио.

Чем больше Аристидес открывался ей, тем больше Селена понимала, что он не только мужчина, которого она уважала, как бизнесмена, и которого желала, как любовника, но мужчина, которого она могла любить. Любила. Всем своим сердцем.

И это заставляло ее сходить с ума.

Что, если ему нужен только его сын?

У нее была веская причина так думать.

Селена больше не сомневалась, что связь, которую Аристидес установил с Алексом, была глубокой, нерушимой и вечной. Но он не пытался восстановить связь с ней. Может быть, он больше не испытывал к ней никакого влечения.

Что, если он пытается донести ей, что они вдвоем могут прекрасно заботиться о сыне, не имея никаких личных отношений между собой? Арис был непревзойденным дельцом, и этот отдых на Крите мог быть частью его плана, чтобы получить Алекса. Селена знала теперь, что все его мысли поглощены тем, как сделать сына своим.

Ей нужно удостовериться. Или она сойдет с ума.

Несколько часов спустя, когда они уложили Алекса в кроватку, Аристидес взял ее за руку и, улыбнувшись одной из своих чарующих улыбок, повел на кухню, чтобы приступить к ставшему привычкой ночному ритуалу приготовления пищи.

Он выкладывал на стол овощи, зеленый лук, грибы, красный стручковый перец, которые они собрали в его саду, когда Селена поняла, что у нее больше нет сил сдерживаться.

Она посмотрела на Ариса и выпалила:

— Ты можешь дать Алексу свое имя.

Он дернулся, как от выстрела. Его лицо побелело, и руки заходили ходуном.

— Бог мой, Селена... ты на самом деле имеешь это в виду? — задыхаясь, спросил он.

У нее самой на глазах заблестели слезы. Она кивнула.

— Ты хочешь, чтобы Алекс стал Александром Сарантосом? — дрожащим голосом переспросил он.

Она снова кивнула. Если бы от волнения у нее не пропал голос, она бы попросила его покончить с ее мучениями.

А ты не хочешь, чтобы я стала Селеной Сарантос? Вдруг в дверь неистово заколотили. Аристидес бросился открывать. Это была Олимпия. Несмотря на то что Селена знала греческий язык довольно прилично, она поняла только основные факты из сбивчивого и прерывающегося слезами рассказа Олимпии. Кростос упал с лестницы и ушибся.

Арис отправил свою тетушку обратно к Кростосу и кинулся к Селене.

Он схватил ее и крепко прижал к себе.

В следующую секунду он повернулся и выбежал за дверь.

Пятнадцать минут спустя Селена услышала рев взлетающего вертолета.

Вскоре Арис позвонил ей:

— Кростос повредил плечо. Мы летим в больницу в Ираклион.

Селена поежилась, представив жизнерадостного Кростоса страдающим от боли.

— Надеюсь, все не так страшно. Пожалуйста, береги себя. И передай ему мои наилучшие

пожелания.

— Обязательно. Селена... — Аристидес замолчал на несколько секунд. Ее сердце тоже замерло. Потом он выдохнул: — Когда ты сказала, что позволишь дать Алексу мое имя, ты имела в виду только это?

Она закрыла глаза, ее голова слегка кружилась в предвкушении его следующего признания.

— Дать только имя, но не быть настоящим отцом? Знаю, прошел всего лишь месяц с тех пор, как все это началось, но... Боже мой, Селена! Ты все еще думаешь, что я не оправдаю надежд? Ты думаешь, что рано или поздно я заменю свою любовь к нему и свое внимание денежными вкладами и материальными вещами? Ты все еще боишься, что я могу исчезнуть из его жизни?

— Нет! — Она не сомневалась в его привязанности к Алексу. Но что для него значила она сама? Селена изо всех сил сдерживалась, чтобы не разрыдаться. — Я теперь уверена, что ты будешь настоящим отцом Алексу.

— Спасибо, Селена, — облегченно вздохнул Арис. — Ты никогда не пожалеешь, что приняла такое решение.

Тут послышался какой-то крик. Сперва Селена подумала, что это закричала она сама, так напряжена она была.

— Крестос, да не двигайся ты! — рыкнул Аристидес своему дяде. А потом снова обратился к ней: — Больше нет возможности говорить. Еще раз спасибо, kala mou.

Все затихло.

Ей показалось, что она разучилась дышать. Он ничего не сказал по поводу их двоих. Ему нужен только Алекс.

Глава 8

Арис отсутствовал весь следующий день. Он занимался тем, чтобы о его тете и ее муже позаботились самым наилучшим образом.

Селена провела еще одну бессонную ночь. В семь утра она услышала, как отворилась входная дверь. Ее сердце подпрыгивало с каждым шагом Аристидеса, который поднимался по лестнице вверх.

Она должна сказать ему, что хочет домой.

Эксперимент закончен. Он успешно его завершил. Он будет отцом Алекса. Настало время узнать, как он решит этот вопрос, когда они вернутся обратно в реальный мир. Здесь им оставаться больше нет нужды.

Арис вошел на кухню. Он выглядел мрачным и осунувшимся.

— К-как там Крестос? — запинаясь, спросила Селена, встретив его напряженный взгляд.

— С ним будет все в порядке. Я летал в Афины и привез оттуда самого лучшего хирурга и его команду, — Аристидес замолчал и впился в нее глазами, как будто хотел проникнуть к ней в мозг. — Когда ты сказала, что позволишь мне стать отцом Алекса, ты имела в виду только это? Ты не хочешь, чтобы я был твоим мужем?

Он спрашивает, чтобы убедиться? Или делает предложение? А если так, то чем он руководствуется?

Впервые в жизни Арис позволил руководить собой. Ради своего сына он мог пойти на что угодно. Селена должна была предоставить ему свободу выбора. И смириться с тем, что она ему не нужна.

Это признание было самым тяжелым, самым ужасным, что ей когда-либо доводилось делать.

— Арис, в этой сделке не шла речь о нашем соединении. Быть отцом Алекса не имеет ничего общего с тем, чтобы быть моим мужем.

— Быть его отцом и твоим мужем — вот в чем заключалась эта сделка, — еще больше помрачнел Аристидес.

В ее сердце промелькнула надежда, но Селена хотела знать наверняка.

— Значит, ты теряешь умение вести переговоры, потому что это явно не то, что ты предлагаешь.

— О чем ты говоришь? — сжал челюсти Аристидес. — Я предложил тебе выйти за меня замуж в первый же день.

Селена кивнула:

— Да. Ради Алекса. Но это не причина для того, чтобы связывать себя узами брака. Я сказала тебе тогда, когда отвергла твое поспешное предложение выйти за тебя замуж...

— Ты буквально покатишься со смеху, — натянуто заметил он.

Неужели это его мучило? Селена чуть не запрыгала от радости:

— После чего ты тут же поспешил взять свои слова обратно, признав, что не сможешь быть настоящим мужем, и с явным облегчением сменил тему.

Арис покачал головой, как будто не мог поверить своим ушам:

— Но чем по-твоему были последние четыре недели? Все эти разговоры насчет того, чтобы испытать меня, чтобы узнать, кем я могу быть для вас обоих?

— Возможностью завязать хорошие отношения с матерью твоего сына?

— Хорошие отношения? — захохотал Аристидес. — Я думаю, наши отношения здесь были лучшими из лучших.

— Я так не считаю.

— Нет? — удивленно спросил он.

Она слишком давила на него. Но ей необходимо было добиться от него признания.

— У нас не такие отношения, которые заканчиваются браком. Хотя месяц назад я и подумать не могла, что ты можешь стать таким хорошим другом. Поэтому я не хочу, чтобы ради Алекса ты считал себя обязанным жениться на мне. Мы можем оставить все, как есть. Будем

хорошими друзьями друг для друга и хорошими родителями для Алекса.

Он какое-то время не сводил с нее глаз.

И когда Селена подумала, что сейчас Аристидес скажет, каким же дураком он был, схватит ее, сожмет в своих объятиях и заверит, что ему нужна, всегда была нужна только она одна, он развернулся и направился к выходу.

Селена потрясенно смотрела ему вслед.

Он уходит? Н-но... как он может!

Селена вздрогнула, когда за ним захлопнулась входная дверь.

Она не могла сдвинуться с места, не могла поверить, что он не вернется.

Но он не вернулся.

Неужели ее худшие опасения оказались правдой, а не паранойей?

Селена не знала, сколько она простояла так, оцепеневшая, дрожащая.

Наконец она пошевелилась и, собрав остаток сил, побрела наверх, в комнату Алекса.

Она не могла поддаться боли. Ради сына. Ей придется оставаться в дружественных отношениях с Арисом. Это его право — быть частью жизни своего сына, не будучи связанным с ней. И это его право — любить своего сына, не любя ее.

Алекс заворочался во сне. Она взяла его на руки и принялась убаюкивать. По ее щекам текли слезы, падая на шелковистые кудри сына.

Она была счастлива. За него. Теперь, кроме матери, у него есть отец, который любит его больше жизни. Что до нее самой, ей нужно снова стать прежней уверенной в себе женщиной, которой она была до того, как отдала свое сердце Арису. Мужчине, которому ее сердце оказалось ни к чему. Она не питала иллюзий, что когда-нибудь найдет свое счастье. Все, на что она могла надеяться, это найти какое-нибудь прибежище, чтобы пережить агонию и прийти в себя.

Несколько часов спустя, когда она упаковала их вещи и играла с Алексом, в уме прокручивая, что скажет Аристидесу, чтобы расстаться с ним по-дружески и обговорить дальнейшие планы на совместное воспитание ребенка, кто-то забарабанил во входную дверь.

Когда Селена открыла, она увидела перед собой Таки, водителя Аристидеса.

— Госпожа Лувардис, господин Сарантос настоятельно требует, чтобы вы пошли за мной, — выпалил этот коренастый смуглый мужчина.

— С ним все в порядке? — разволновалась Селена.

Таки посмотрел на нее так, как будто она сказала какую-то глупость:

— Он ждет вас.

Она изумленно посмотрела на Элен, которая пришла посидеть с Алексом. Элен только широко

улыбнулась, давая понять ей, что она может не торопиться.

Решив, что она узнает все от самого Ариса, Селена забралась в лимузин. Следующие полчаса она любовалась красотой залитого солнцем Средиземного моря и пышной зеленью, которая росла по обеим сторонам черной асфальтовой дороги, ведущей вдоль изумрудного побережья.

Наконец Таки затормозил рядом с «порше» Аристидеса и помог Селене выбраться из машины. В миг для нее перестал существовать весь окружающий мир.

Селена зачарованно смотрела перед собой.

В сотне метров от дороги, на другом конце красной ковровой дорожки, усыпанной лепестками роз, окруженной фонарями и охапками лилий, в двух шагах от воды стоял огромный белый шатер, мягко развеваемый вечерним бризом.

Там, на другой стороне этой огненно-цветочной дорожки ее ждал Аристидес, одетый в белую сорочку и белые брюки, которые подчеркивали бронзовый загар его совершенного тела. Легкий ветерок развевал его золотистые, длиной до плеч волосы.

Селена думала о том, как подойдет к нему ближе и посмотрит в его глаза, чтобы увидеть в них отражение того чуда, о котором мечтает каждая женщина.

Дрожа всем телом, Селена сделала несколько шагов вперед. Казалось, морской бриз оживил и ее волосы. Она пыталась усмирить их и чуть не налетела на Аристидеса.

Потрясенно смотрела она, как он... Арис... становился перед ней на одно колено.

Ее сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Она никогда бы не подумала, что Аристидес Сарантос может поставить себя в такое положение.

Но он не остановился на этом.

Он протянул ей бархатную коробочку цвета морской волны. Селена открыла ее и ахнула от изумления.

Там она увидела сапфир, самый совершенный камень, который она когда-либо видела, в точности такого же цвета, как ее глаза. Он поглощал золотые лучи вечернего солнца и мерцающие огни факелов и отражал их, переливаясь радугой восхитительных оттенков небесной лазури и морской синевы.

Она оторвала взгляд от драгоценного камня и посмотрела на Ариса.

— Агаре тоу, ты выйдешь за меня замуж? — с мольбой в голосе спросил он.

Арис смотрел снизу вверх на Селену, его сердце едва билось от волнения.

Когда с ее губ не слетело никакого восторженного «да», его пронзила ужасная мысль.

Что, если она не хотела принадлежать ему? Что, если она соглашалась только на то, чтобы делить с ним заботу о сыне, но ничего большего? Может, его тактика воздержания от близких отношений привела к тому, что Селена пришла к выводу, что он ей не нужен?

Или он сделал все неправильно сейчас? Может, он выглядел нелепо в ее глазах? Она, наверное, считала его последним человеком на Земле, от которого можно ждать подобной сентиментальности, и уж никак не ожидала увидеть его преклоненным перед ней, предлагающим свою любовь и заглядывающим ей в глаза с таким выражением, как будто он умрет, если она не ответит согласием.

Он убрал руку, протягивающую кольцо, за которым она не потянулась, и медленно поднялся на ноги.

— Я испортил свое первое предложение руки и сердца. Сейчас я тоже делаю все неправильно?

Выражение изумления исчезло с ее лица. Напряженно сжатые губы, которые он так хотел поцеловать, задрожали, и Селена засмеялась.

Она снова смеялась над ним. Над его предложением.

Аристидес посмотрел на кольцо в своей трясущейся от волнения руке и вздохнул:

— Мне казалось, что так будет правильно... в теории.

Ее смех резко оборвался.

— Ты простишь мне это? Я никогда в жизни не знал, что такое эмоции. Мне хочется порадовать тебя, почтить тебя, показать, как сильно я хочу, чтобы ты стала моей, но мне кажется, что у меня это плохо получается...

Селена остановила его, когда он хотел спрятать кольцо в карман:

— Мне кажется, лучше не бывает. Даже в своих самых буйных фантазиях я никогда не смогла бы представить вот этого. — Она раскинула руки, указывая на окружающую их красоту.

— Тогда... почему?

— Почему я рассмеялась? Потому что ты, всезнающий Аристидес Сарантос, кажется, страдал от тех же самых заблуждений, что и я пару минут назад.

— Каких заблуждений? — хрипло буркнул он.

— Когда ты не предпринял никаких попыток снова заняться со мной любовью, я подумала, что ты не хотел меня так сильно, как тебе казалось.

Она боялась этого?

— Ты была права. — Он увидел, как ее глаза расширились от отчаяния и боли, и поклялся, что больше никогда не заставит ее страдать. — Я хочу тебя намного больше, чем я думал. Теперь мое желание говорит о том, кто я есть, мужчина, который хочет тебя.

— Тогда... почему?

— Потому что я идиот. Мне хотелось, чтобы все шло своим чередом. Я боялся, что близость затмит все остальные удовольствия, которые мы могли бы получать от общения друг с другом и которые в этом случае остались бы неоткрытыми. Поэтому я сдерживался и был для тебя только «хорошим другом». Отчего чуть не сошел с ума.

— Я тоже.

Ее признание наполнило его безудержным ликованием.

Она хотела его. Так же сильно, как и он ее.

Аристидес не верил своему счастью.

Разве он заслуживал этого?

Она заслуживала. И он положит свою жизнь на то, чтобы она ни на секунду не разочаровалась, что выбрала его.

На этот раз Арис опустился перед ней на колени, испытывая невероятное облегчение, и еще раз протянул ей коробочку с кольцом:

— Ты пощадишь меня?

Ее глаза засветились от счастья, и она в ответ протянула ему свою руку, чтобы он сам надел ей кольцо на палец.

Дрожащей рукой он проделал то, что от него требовалось, и, притянув Селену к себе, сжал ее в своих объятиях.

— Подумать только, ты ошибочно приняла мою сдержанность за безразличие, когда я полагал, что этим только накапливаю предвкушение.

— О да, — тихо рассмеялась Селена. — Ты в этом преуспел. Ты почти убиваешь меня своей привычкой доводить все до совершенства. Теперь ты пощадишь меня?

Аристидес взял за руки свою богиню Луны, женщину, сотканную из волшебства и лунного света. Женщину, которая принадлежала ему и для которой он был создан. Он покрыл ее лицо поцелуями.

— Селена, ты согласна? Согласна прожить со мной всю свою жизнь? — Она кивнула, ее губы жадно искали его поцелуя. — Согласна на все, что я захочу делать с тобой сейчас и потом?

На этот раз, когда она кивнула, из ее груди вырвался приглушенный стон желания и покорности.

Его тело взорвалось от всепоглощающего желания. Аристидес хотел, чтобы она издавала этот звук опять и опять, чтобы она кричала и всхлипывала в исступлении, когда он опустошит ее, поглотит ее, а потом сам растворится в ней.

Он еще теснее прижал ее к себе, теряя остатки контроля, когда она прильнула к нему, предлагая ему всю себя без остатка.

— Селена, скажи, что ты моя.

— Арис, я твоя... твоя.

Вот оно. То, для чего он жил, сам того не зная. Его величайший триумф. Единственный, который чего-то стоил. Который стоил всего.

— Да, Селена. Ты моя. — Арис страстно прильнул к ее губам, наслаждаясь их сладостью. Он застонал от того, с какой готовностью она отвечала на его ласки. — Пожалуйста, Селена, повтори, что ты моя, чтобы я поверил, что так и есть на самом деле.

Селена повторяла эти слова снова и снова, пока Аристидес, подхватив ее на руки, нес к белоснежному шатру.

Он положил ее на широкую кровать, которая находилась внутри, застланная шелковыми простынями, потом стянул с нее платье небесно-голубого цвета, оттягивая эластичную ткань своими губами, языком и зубами, лаская ее упругую грудь и набухшие от желания соски. Его прикосновения, то легкие, то жадные, заставляли ее изгибаться и стонать от мучительной страсти, снедающей ее тело.

Их возбуждение почти достигло своего пика. Но он хотел, чтобы их первая за такой длительный период времени близость, которая скрепит их взаимные клятвы и станет началом новых взаимоотношений, подарила ей абсолютное блаженство. Он знал, что никогда не получит удовольствия, если прежде не удовлетворит ее.

Сняв с нее одежду, он приподнялся и залюбовался своей богиней.

Арис видел это тело раньше, до появления на свет Алекса, и потом в соблазнительном закрытом купальнике. И это заставило его подумать, что он знает о ней все.

Но он ошибался. Его воспоминания и наблюдения тускнели перед представшей перед ним красотой. Это была она. Его женщина. Безупречное тело которой отвечало его утонченному вкусу. И она желала его так же страстно, как он желал ее.

— Агаре мою, ты стала еще более красивой, — благоговейно заметил он. — Еще более потрясающая.

Она с мольбой протянула к нему руки, и он подхватил ее и прижал к себе:

— Сейчас, Селена, сейчас, моя дорогая.

— Возьми меня, делай со мной все, что хочешь. Арис, я хочу тебя, — сгорала от желания Селена.

— Селена, любовь моя. Тебе больше никогда не придется сдерживать свои чувства.

Арис склонился над ней и начал ласкать ее упругие округлые груди, набухшие от возбуждения. Он проводил горячим языком по ее соскам, доводя ее до исступления. Его рука скользнула вниз и сжала шелковистый холм внизу ее живота.

Здесь они слились в одно целое, здесь он вторгнулся в нее, и здесь она пленила его. Здесь она приняла его семя и, добавив своей живительной эссенции, подарила жизнь их ребенку, который стал смыслом всей его жизни.

Арис еще крепче сжал свою ладонь:

— Вот мой дом, любовь моя. Мой настоящий дом.

— Арис, — простонала она. — Да, любимый мой, да... возвращайся домой.

Его пальцы проникли в нее, еще сильнее возбуждая ее плоть.

— Я хочу тебя, — задыхалась Селена. — Арис, пожалуйста...

— Позволь мне прежде доставить удовольствие тебе. Потому что мое вторжение будет не таким нежным.

Аристидес еще глубже проник в нее и большим пальцем нажал на ее спусковой крючок. Едва он прикоснулся к нему, как Селена закричала от наслаждения, замерла и обмякла в его объятиях.

Арис снова принялся ласкать ее атласную сердцевину, вызывая новую волну возбуждения. Он ласкал ее груди, с жадностью припадая к соскам, покусывая их, проводя по ним своим горячим языком, пока не почувствовал, как снова напряглась ее плоть вокруг его пальцев и как прерывисто задышала Селена. Тогда Аристидес раздвинул ее потаенные губы и медленно провел по ним языком, и дикий зверь внутри него обезумел от ее запаха и вкуса, который остался у него на губах.

Селена попыталась сжать бедра и умоляюще посмотрела на него:

— Арис, пожалуйста, я хочу тебя...

— Потерпи, любовь моя. Я хочу насытиться тобой. Я изголодался по тебе.

Аристидес снова встал перед ней на колени. Сжав зубы, он закинул ее гладкие и шелковистые ноги себе на плечи и обхватил руками ее упругие ягодицы.

Он потерялся лицом о внутреннюю сторону ее бедер.

— Я хочу, чтобы ты смотрела, как я доставляю тебе удовольствие, завладеваю всеми твоими секретами.

Селена изогнулась, с трудом приподнялась на локтях и раскрылась навстречу его жарким губам.

Он жадно прильнул к ее сердцевине. Селена металась от прикосновения его языка, от его настойчивых ласк. Затем она закричала от наслаждения, и ее тело забило в экстазе.

Аристидес посмотрел ей в глаза.

Вот это была настоящая близость и полнота.

Аристидес потерялся губами о ее губы, чувствуя, как она задрожала от прикосновения его возбужденной плоти.

Так же было тогда, в тот незабываемый уик-энд, почти два года назад. Она не могла насытиться им, а он не мог насытиться ею.

Селена вцепилась в его одежду и застонала:

— Яхочу тебя, Аристидес. Всего тебя.

Он накрыл ее собою, прильнул к ее нежному податливому телу. Селена приняла его и обвила руками и ногами.

Арис подчинился ее требованию, прижался к низу ее живота, наполовину войдя в нее,

возбуждая ее еще больше, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не овладеть ею со всей силой.

Селена изогнулась, чтобы прижаться к нему еще сильнее, и он поддался ей и погрузился в жар ее сердцевины.

Его накрыла волна неземного наслаждения.

Когда он открыл глаза, Селена лежала, раскинувшись на кровати, на ее лице пронеслась вихрем череда эмоций, среди которых промелькнула боль.

— Прости меня, — задыхаясь, прошептал Аристидес. — Мне не следовало быть таким грубым.

Она крепче сжала его своими бедрами, вынуждая его глубже проникнуть в ее тело, и хрипло воскликнула:

— Ты обещал именно это. Сарантос, не смей останавливаться.

В ее голосе слышался вызов. И он ринулся в бой.

Селена кричала от наслаждения, а он входил в нее все глубже и глубже. Потом горячая лавина его, семени наполнила ее лоно, и Аристидес представил еще одно чудо, на этот раз маленькую копию Селены, которая могла получиться в итоге их страстной любви.

Он чувствовал, как тает под ним Селена, содрогаясь от экстаза, пронизавшего их тела. Аристидесу хотелось большего, но нужно было дать ей немного передохнуть.

Она лежала с закрытыми глазами, и ему показалось, что она уснула. Но вдруг она поднялась и соблазнительно улыбнулась. Затем опустилась чуть ниже и прильнула губами к низу его живота.

Доводя его до исступления, она прошептала:

— Ты знаешь, что я чувствую, когда ты во мне? Без тебя я ощущала пустоту. Любовь моя, никогда не оставляй меня опустошенной.

— Селена, я хочу тебя. Я никогда от тебя не уйду.

— Да... Арис, никогда. А теперь я хочу тебя. На этот раз всего тебя.

Он удивленно посмотрел на нее. Ведь он уже отдал ей всего себя.

— Я хочу получить все, что принадлежит мне. Ты мой, и я могу делать с тобой все, что захочу.

Прежде чем он снова овладеет ей, она хотела овладеть им.

Аристидес поднялся:

— Твой, Селена. Любовь моя, только твой.

Селена лежала на спине, потрясенная от пережитой близости с Аристидесом, желая еще большего.

Внезапно налетевший порыв ветра распахнул их шатер, всколыхнул аромат лилий и придал

всему вокруг какую-то первобытность.

Аристидес поднялся, и Селена с восхищением провела глазами по его освещенному всполохами огоньков лицу, его совершенному телу и гордо возвышающейся плоти.

— Селена, я твой. Возьми меня, — наклонился к ней Алекс и жарко прошептал ей на ушко.

Она набросилась на него, прильнула к низу его живота, вдыхала его запах, нежно сжимая горячую и твердую как сталь, плоть.

Арис дотронулся до ее волос, когда она приоткрыла рот и нежно коснулась губами его шелковистого венца, наслаждаясь текущим из него нектаром.

Он теснее прижал ее голову к себе и застонал от удовольствия:

— Селена, поторопись. Потому что я снова хочу тебя.

Но она не стала торопиться и насладилась им в полной мере. Когда Селена подумала, что она иссушила его до дна, оказалось, что она ошибалась. Потому что Арис был наготове, чтобы исполнить обещанное.

Они наслаждались друг другом всю ночь до самого утра.

Следующие несколько дней их близость только возрастала. Во всех сферах. С каждым днем Арис все больше открывал ей свое сердце, рассказывал о своем прошлом, делился своими мыслями и вводил в курс своих дел. Она чувствовала такое неземное счастье, что это почти пугало ее. Селена боялась, что что-нибудь случится, и их пока такой хрупкий мирок разлетится на мелкие кусочки.

Все произошло в один из предвечерних часов, которые они проводили у бассейна. Зазвонил мобильный телефон Ариса. Селена наклонилась, чтобы взять на руки Алекса, пока Арис ответит на звонок. Выражение его лица стало мрачным. Он отвернулся, дал какие-то краткие распоряжения и повесил трубку.

Но Селена все еще чувствовала это. Что-то гнетущей волной поднималось у нее внутри.

Она сделала шаг в сторону Ариса и услышала глухой удар. Аристидес дернулся, как от выстрела. И воздух взорвался от пронзительного вопля.

Селена опустила глаза и увидела Алекса, который лежал на спине и разрывался от плача. Боковым зрением она заметила бросившегося к ним Ариса.

Пока ее внимание было целиком поглощено реакцией Аристидеса на телефонный звонок, Алекс умудрился снять с себя сандалии. Он поскользнулся на влажной плитке. Этот ужасный глухой звук раздался, когда его голова ударилась о грубый мраморный пол.

В следующую секунду крик прекратился, и ребенок забился в конвульсиях.

Глава 9

Кошмар, который за этим последовал, открыл Селене значение ужаса. И того, что значит находиться рядом с Арисом.

Раньше, когда она смирилась с мыслью, что будет матерью-одиночкой, в тяжелые времена она чувствовала, как не хватает поддержки, которую ей мог оказать отец ее ребенка.

Но Арис оказался не просто отцом Алекса или ее спутником. Он создал и управлял огромной империей и обладал огромной властью. Он был лучшим на Земле, кто мог справиться со всеми жизненными трудностями.

А сейчас под ногами Селены разверзлась бездна. Ей показалось, у Алекса припадок, и ее воображение начало рисовать самые мрачные сценарии. Ее ребенок мог получить мозговую травму. Теперь он может умереть, и они потеряют его. И во всем виновата она. Но Арис не позволил ей расклеиться. Он утешил ее и заверил, что в жизни случается всякое.

В считанные минуты он посадил ее, Алекса и Элен на свой вертолет. Во время полета он созвонился с больницей и обо всем договорился. Когда они приземлились, их уже ждала скорая помощь и команда врачей.

Менее чем за тридцать минут ребенка привели в сознание. Селена сошла бы с ума, если бы не Аристидес, который держал ее в своих объятиях, утешал и шептал слова ободрения.

Затем Алекса вынесли из кабинета неотложной помощи. Он был в сознании, но плохо понимал, что произошло. Увидев их, он захныкал и сначала прижался к ней, но потом попросился на руки к Арису. Прижавшись к его могучей груди и почувствовав себя в полной безопасности, он тут же уснул.

Врачи объяснили им сложившуюся ситуацию. Удар был очень сильным, но опасность уже миновала. В течение дня ребенок придет в норму безо всяких осложнений, но возможно возникновение головных болей. Они посоветовали остаться в больнице на двое суток для дальнейшего наблюдения.

Несмотря на все их заверения и на то, что Алекс проснулся на следующее утро как ни в чем не бывало, Селену не покидало напряжение до самой выписки из больницы.

Когда они вернулись, Селена остро ощутила, что кошмар еще не закончился.

Поначалу она думала, что тревога Аристидеса вызвана беспокойством за Алекса. Но теперь все больше и больше убеждалась, что тот звонок стал источником каких-то ужасных известий. Которыми он с ней не поделился. Ее угнетало то, что он страдает один, не дает ей разделить с ним тяжесть своей ноши.

Но что-то ее удерживало, и она молчала. Селена чувствовала, что какая-то угроза нависла над ними, над их будущим, но она боялась заглянуть ей в глаза.

После того как они вместе уложили Алекса спать, Селена решила на откровенный разговор.

Если не сделать этого, она не сможет спокойно провести с ним вечер, а потом отправиться в кровать.

Они вышли из детской, и Селена взяла его за руку. Аристидес улыбнулся ей, но его улыбка была вымученной.

Но когда он притянул Селену к себе, все ее страхи и подозрения развеялись. С ним она чувствовала себя в полной безопасности.

Войдя на кухню, он чмокнул ее в макушку и направился к холодильнику.

Открыв дверцу, он повернулся к ней и сказал:

— С ним все в порядке. — Арис как будто частично прочитал ее страхи. — И еще раз повторяю тебе, ты ни в чем не виновата.

И тут Селена выпалила:

— Я хочу вернуться домой.

Арис застыл на месте.

Селена тоже стояла, затаив дыхание. Она не знала, откуда взялись эти слова.

Но потом осознала. Все из-за того, что она вдруг почувствовала себя в ловушке, полностью бессильной. Ей нужно снова обрести контроль, по крайней мере над собой. А ему нужно вернуться, чтобы решить проблему, которая не давала ему покоя, но он не мог уехать, потому что думал, что она хотела остаться.

Аристидес закрыл холодильник и спокойно посмотрел ей в глаза. Спросил он ее, почему она так решила, и все ее доводы показались бы бессмысленными.

Но он не спросил. С непроницаемой маской на лице он лишь ответил:

— Как тебе будет угодно.

* * *

Селена хотела этого менее всего.

Она сказала ему об этом и добавила, что ей очень жаль, что все закончилось, но она с радостью вернулась бы на этот остров.

Аристидес улыбнулся и заверил ее, что они приедут сюда, как только она того пожелает. Но Селене показалось, что его чувства стали другими, что он закрылся от нее.

Она успокаивала себя, что это пройдет. Что он просто настраивался на решение возникшей проблемы. Что, когда все уладится, их отношения станут такими, как прежде.

Через двадцать четыре часа они снова вернулись в город, в котором она прожила всю свою жизнь. Но он больше не был ее домом. Ее домом было место, где она стала принадлежать Арису, где они стали семьей.

Она с улыбкой наблюдала за ним, как он с Алексом на руках толкнул входную дверь, чтобы она могла войти. Но тут ее улыбка исчезла.

Она увидела, как его взгляд стал враждебным.

Селена повернулась и чуть не воскликнула от неожиданности.

Трое ее братьев поджидали в вестибюле, наполняя его своими мощными телами и ответной агрессией.

Неужели ее братья обо всем узнали?

Но чего им нужно? Что они о себе возомнили, что пришли сюда, чтобы вмешиваться в ее личную жизнь?

Младший брат Дамон сделал шаг вперед и насмешливо заметил:

— Ага, счастливая семья вернулась.

Лизандрос презрительно фыркнул:

— Как трогательно.

Значит, они знали. Конечно, ей следовало самой им все рассказать, но это ее жизнь, и Арис стал ее неотъемлемой частью.

Ее братья молча стали приближаться к Аристидесу, как стая волков, но в этот момент захныкал Алекс.

Они вздрогнули и посмотрели на него. Малыш испуганно переводил взгляд с них на своего любимого папу, как будто чувствовал исходящую от своих дядь угрозу. Потом он крепче вцепился в Ариса и спрятал свое личико у него на груди.

Это заставило ее братьев остановиться.

Арис успокоил Алекса нежными поцелуями и что-то тихо прошептал ему на ушко. Потом он молча посмотрел на Элен. Та быстро подошла к нему и, забрав у него Алекса, кинулась прочь по коридору.

— Ну как, Сарантос, ты слышал? — начал Николас, и Селена осознала, как много общего у них с Арисом. Они могли бы стать союзниками, но вместо этого продолжали враждовать. Николас остановился в шаге от Ариса. — Клянусь, что слышал.

— Посмотрите на него, — хмыкнул Дамон. — Конечно, он слышал. Его ищейки наверняка обо всем ему доложили.

О чем этот разговор? Разве они пришли не для того, чтобы разобраться с ней?

— Сарантос, каково это — оказаться не у дел? — подхватил Лизандрос. — Ты, наверное, сходишь с ума от желания узнать, как нам это удалось. Но теперь парадом командуем мы. Сделка в наших руках. И я с огромным удовольствием говорю тебе прямо в глаза, что мы выбрали поставщиком Ди Джорданоса.

Селена застыла, потрясенная новостью. Неужели это правда?

— Ты ведь так добивался этого контракта. Не зная, как убрать нас со своего пути, ты решил действовать через наше слабое звено. Через Селену.

У нее чуть сердце не выпрыгнуло из груди.

Они думали... что Арис...

— Ты ведь был в курсе, что у нее есть ребенок от тебя, — продолжил наступление Николас. — И решил преследовать Селену, стать «отцом» Алекса и переманить нас на свою сторону. Но

теперь ты в наших руках. К сожалению, мы никуда не можем деться, от того факта, что ты действительно являешься отцом Алекса. Поэтому ради него мы решили смириться с твоим присутствием в нашей семье. И может быть, именно это убедило нас все-таки подпустить тебя к этой сделке. Итак, Сарантос. Вот наш уговор. Если ты хочешь получить этот контракт, ты должен отписать половину своего имущества и ценных бумаг на имя Селены и Алекса.

В этот момент Селена чуть не взорвалась от возмущения:

— Послушайте, вы, идиоты. — Три пары глаз потрясенно уставились на нее. — Вы ведете себя как настоящие ослы. Сделайте милость, проваливайте. И держитесь отсюда подальше.

Но они отвернулись от нее и снова переключились на Аристидеса. Значит, единственное, что оставалось, это попросить уйти Ариса, чтобы ее обозленные братцы не набросились на него.

Она повернулась к Арису и от неожиданности чуть не упала в обморок. Он смотрел на нее так, как будто она тоже была его врагом.

Рука Николаса, как раскаленное железо, легла ей на плечо.

— Мне очень жаль, что так получилось. Но чем быстрее ты поймешь, что он за человек, тем быстрее ты сможешь с этим справиться.

— Мы понимаем, что тебе тяжело, но, сестричка, так будет лучше, — поддержал его Лизандрос. — Мы вынудили его пойти на это, прежде чем он разрушил бы вашу с Алексом жизнь.

— Так мы договорились, Сарантос? — спросил Николас.

— Конечно же нет, Лувардис, — спокойно ответил Арис.

— Что ж, — вмешался Лизандрос. — Тогда ты проиграл. Прими это, как мужчина. Хотя, если принять во внимание, как низко ты пал в этот раз... — Он повернулся и с гримасой отвращения посмотрел на Селену, а потом обратно на Ариса. — Ты вряд ли являешься таковым.

Арис пронзил его испепеляющим взглядом:

— Со всей вашей болтовней о том, что вы одержали верх надо мной, вы даже не понимаете, с кем имеете дело. Если бы у вас была хоть толика того ума, которым обладал ваш отец, вы бы приняли любые условия, которые я вам предложил. Но вы, избалованные, рожденные с серебряной ложкой во рту мальчишки, выбрали грязную игру. Я вам покажу, как надо играть. Прежде чем я разделаюсь со всеми вами, я заставлю вас умолять меня принять обратно то, что вы украли у меня, и сверх того. — Затем он круто развернулся и направился к выходу.

Селена бросилась за ним:

— Арис.

Она схватила его за руку, но он разжал ее пальцы с таким выражением, как будто она была каким-то мерзким и отвратительным существом. Его взгляд говорил о том, что он объявлял войну не только ее братьям, но и ей самой.

Она смотрела, как он уходит. И понимала.

Он уходит из ее жизни.

Из жизни, в которую он никогда по-настоящему не входил или хотел войти, раз так легко бросил ее и ушел.

Дамон покачал головой, как будто не веря своим глазам:

— Я не понимаю, как ты могла...

— Хватит. — У нее больше не было сил слушать это. Утешения, обвинения, обещания, что она все переживет. Она ничего не хотела. Ничего. — Оставьте меня в покое. Просто оставьте меня в покое.

Селена прокручивала в памяти время, которое они с Арисом провели вместе. Его каждое слово, взгляд и прикосновение.

Ее сердце исходило кровью.

Это все было обманом.

Прошло два дня, прежде чем Селена пришла в себя.

Она позвонила своим братьям, и они друг за дружкой вошли в ее квартиру.

— Я хочу, чтобы вы сделали то, на что никогда бы не согласились по собственной воле. Но если мы с Алексом дороги вам, вы сделаете это.

— Бог мой, Селена. Мы делали и сделаем все, чтобы вы были счастливы.

— Слишком поздно. Но вы можете помочь мне поставить точку. Пожалуйста, позвольте Арису... — Селена остановилась и сглотнула. Но она не могла называть его иначе. — Позвольте ему стать частью этой сделки.

— Мы не можем, — покачал головой Лизандрос. — Сарантос потеснил нас. Теперь он будет руководить процессом и решать, кого выбросить из игры. Будь я проклят, если знаю, как ему это удалось.

Селена замерла. За последние несколько дней на острове, когда, казалось, Арис открылся ей, она тоже в свою очередь была предельно откровенна с ним. И среди всего прочего рассказала много такого, что он мог использовать и, судя по всему, использовал против Лувардисов.

Она ужаснулась, ее пронзил страх. Но не за себя. За Алекса.

На что пойдет этот монстр Сарантос, чтобы заполучить своего сына?

Но, может, его любовь к Алексу тоже была притворной?

Потому что в противном случае ей придется сражаться за своего ребенка с самим дьяволом.

На следующий день она заставила себя пойти на работу.

Ей нужно было разработать план на случай, если Арис решит бороться с ней за Алекса.

Селена вздрогнула, когда настежь распахнулась дверь и послышался голос ее перепуганной

на смерть помощницы:

— Я пыталась остановить его, но...

Селена прикрыла глаза. Удивительно, но она больше ничего не чувствовала. Ни удивления, ни злости, ни боли. Ничего. Он полностью опустошил ее.

Арис обошел ее стол и, бросив на него папку, которую держал в руках, приблизился к ней.

— Думаю, тебя можно поздравить с полной победой... — начала Селена, но он не дал ей договорить.

Арис подхватил ее с кресла и прижал к себе, в точности как тогда. Но только на этот раз она боролась. Селена начала вырываться из его крепких объятий:

— Пусти меня.

— Ни за что, — ответил он и жадно прильнул к ее губам.

Глава 10

Арис целовал ее.

Целовал так, как будто она была воздухом, без которого он задыхался.

Но теперь она не будет поддаваться иллюзиям. Пусть ее чувства кричали о том, чтобы сдаться, она продолжала бороться.

Наконец он оторвался от ее губ.

— И что теперь? — горестно спросила она. — Изнасилуешь меня?

— Это будет не насилие. Селена, ты хочешь меня.

— Теперь это не имеет никакого значения. Все закончилось. Ты победил. Можешь радоваться. Но больше ты ничего от меня не получишь. Зачем ты сюда пришел? Уж не думаешь ли ты, что можно повернуть время вспять и вычеркнуть то, что случилось три дня назад?

— Я пришел тебе сказать, что мне все равно. Мне все равно, что случилось. На тебя надавили твои братья, или ты сама решила покориться и в память об отце исполнить его волю.

— Черт побери, о чем ты говоришь?

— Твои братья использовали против меня информацию, которой владел только я. Пока не поделился с тобой.

— Ты... ты подумал, что это я рассказала им?

— Ты могла ничего не заподозрить. А может, они оказались настолько умными, что дошли до всего сами.

— Ну и какая же версия тебя устраивает больше? — возмутилась Селена.

— Ты тут ни при чем.

— Вот уж спасибо!

— Я не хотел этому верить. Даже когда все совпало. А потом этот случай с Алексом. Я боялся потерять вас обоих, понял, что не могу больше жить без вас. И тут ты вдруг засобиралась назад, что только подтвердило мои страхи. Я признаю, что на какой-то момент позволил своим худшим подозрениям взять надо мной верх.

— Момент? Ты верил им до последнего!

— Когда я посмотрел в твои глаза, мне стало понятно, что я ошибался.

— А как насчет тебя? Ты воспользовался информацией, которой я по своей глупости и наивности поделилась с тобой, и увел контракт из-под носа моей семьи.

— Нет. Я сделал это только для того, чтобы доказать вам, что я могу добиться своего, если захочу, но мне не нужна эта сделка, если я лишусь вас обоих.

— Ты не заслуживаешь нас! — крикнула Селена. — Я буду бороться за Алекса до последнего и не позволю тому, кто страдает манией преследования и заботится только о себе, стать его отцом. К счастью, он слишком мал, чтобы запомнить тебя на всю жизнь, и он не будет расти с осознанием того, каким монстром является его отец.

Аристидес хлопнул рукой по папке, которую принес с собой:

— Это доказательство того, что я не предавал тебя. Здесь все документы, которые возвращают руководство сделкой обратно твоим братьям.

— Это еще один твой ход. Ты решил, что можешь потерять намного больше, чем выиграть, и решил сделать нас с Алексом своим гарантом.

— Селена, я прошу тебя... не надо.

— Не надо? Не надо говорить о том, что ты сделал со мной, с Алексом, когда бросил нас и ушел, думая только о себе? Алекс плакал каждую ночь, ждал, что ты будешь рядом. А тебя не было, и я не могла ему сказать, почему тебя нет, не могла убеждать его, что ты вернешься. В конце концов, ты весь в своего отца.

— Нет, Селена. Не говори так. Я не такой, как мой отец.

— Но ты всегда в это верил. Оказывается, ты был прав. — Селене хотелось ударить его еще сильнее.

— Клянусь, это не...

— Не клянись. Ты всегда можешь найти причину и исчезнуть. А я не могу рисковать и снова проходить через это. Если не ради себя, то ради сына. Ему нужна здоровая мать, а не груды развалин.

Аристидес сделал шаг назад.

— Я докажу тебе, что ты ошибалась и что этого больше никогда не повторится. Селена, я не такой, как мой отец. Я не эгоистичный дезертир. Не изгоняй меня из своего сердца. Прошу тебя.

Селена кивнула. Она подумала, что сейчас он бросится к ней и сожмет в своих объятиях. Но он так же серьезно кивнул в ответ и вышел из кабинета.

Он не появлялся следующие четыре дня.

Селена снова начала сомневаться. Вдруг он передумал и решил, что они ему больше не нужны?

На пятый день, когда после обеда она уложила Алекса спать, зазвонил ее мобильный телефон.

— Я тут внизу перед твоим домом, — как всегда, безо всяких вступлений сказал Дамон. — Спускайся.

Через несколько минут она прикрепила автомобильное кресло со спящим Алексом в машине Дамона, а сама села на переднее сиденье. Она забросала брата вопросами, но он только пожимал плечами и говорил, что скоро они все узнают.

Селена не сомневалась, что тут замешан Арис. Что он задумал на этот раз?

Машина остановилась перед семейным особняком Лувардисов. Навстречу вышел Николас. Когда они вошли внутрь, Дамон затолкал ее в бывший кабинет отца и попросил ее сидеть тихо и ничем не выдавать свое присутствие.

— Просто слушай. Тебе наверняка будет интересно.

Селена уложила Алекса на диван, а сама пересела в кресло, стоявшее рядом с дверью, которую Дамон оставил приоткрытой.

Она чуть не свалилась с кресла, услышав голос Аристидеса.

— Теперь, когда вы все в сборе, я могу начать?

— Давай, — насмешливо сказал Дамон. — Только кратко, пожалуйста. Нас ждут дела.

— Лувардис, кратко не получится, — вздохнул Арис и начал свой рассказ. — Я родился первым в семье. Когда это произошло, моей матери было всего семнадцать лет. Не получив должного образования, она вышла за человека, от которого забеременела. Он был на четыре года старше ее. Этот человек не задерживался ни на одной работе дольше двух-трех месяцев. Он появлялся в нашей жизни и исчезал, чтобы потом снова появиться и добавить к своему выводку еще одного ребенка, еще одну ношу, которая ложилась на плечи моей матери. Он всегда возвращался и клялся ей в любви, рассказывал ей душещипательные истории о своей нелегкой судьбе, тогда как его жизнь была намного лучше нашей. В семь лет я делал по дому работу, которую должен был делать он. В двенадцать я бросил школу и устроился в четыре места сразу, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Отец исчез из нашей жизни окончательно, прежде чем родилась моя самая младшая сестра Каллиопа. Я вырос, презирая чувства, которые загубили жизнь моей матери, и поклялся, что никогда не допущу их в свою жизнь. Мне казалось, что в деловом мире этим чувствам нет места. И мне было совершенно не до них, потому что нужно было кормить свою семью. Вскоре я поверил в то, что я бесчувственный, что я такой же, как мой отец. Только, в отличие от него, я не притворялся и не использовал других во имя любви, а старался держаться от всех подальше, чтобы не причинить боль тем, кто находился со мной рядом. Я ограничился финансовой поддержкой...

Повисла пауза.

— К чему ты ведешь, Сарантос? — спросил Николас.

— Я перехожу к следующему пункту, — продолжил Арис. — День, когда я впервые познакомился с вами, запомнился мне на всю жизнь. Бог мой, как я завидовал вам всем, что у вас такой отец. Мне хотелось впечатлить его своими способностями и талантами. Но все закончилось тем, что он начал презирать меня.

— Сарантос, он не презирал тебя, — тяжело вздохнул Лизандрос. — Наверное, это главная причина, почему тебя презирали мы. Он восхищался тобой и, отчитывая нас, всегда ставил в пример тебя. «Видите, как Сарантос разобрался с этим?», «Сарантос не поступил бы так глупо», «Почему бы вам не стать хоть чуточку более похожими на Сарантоса?». Это все, что мы слышали на протяжении многих лет.

Это было новостью для Селены, но Ариса это повергло в шок.

— Если он так относился ко мне, тогда почему...

— Я не знал ответа, пока не прочел его дневники, — ответил Николас. — Ему показалось, что с годами ты превращаешься в безжалостного дельца. Он считал, что в какой-то мере несет за тебя ответственность, был уверен, что должен присматривать за тобой, не дать тебе потерять человечность. В отличие от нас он также знал, что Селена увлечена тобой, и полагал, что должен помочь тебе стать тем человеком, которому он смог бы доверить свою дочь.

Значит, ее отец знал обо всем. Но он ни разу не показал этого.

«Папочка, почему ты никогда не поговорил со мной об этом?»

— Он также видел, что ты тоже, сам того не понимая, равнодушен к ней, — добавил Николас.

— Я понимал это. Она вскружила мне голову в первый же день нашей встречи. Но я думал, что Гектор никогда не примет меня. Что она сама не примет меня. Поэтому я держался подальше от нее. А потом случилось чудо, и она сама пришла ко мне. Но когда Селена убежала, я решил, что она сочла произошедшее ошибкой. Прошло некоторое время, и я понял, что не могу жить без нее, и решил во что бы то ни стало вернуть ее. Сначала Селена отвергла меня, но потом я получил второй шанс, который стал для меня вопросом жизни и смерти. Потому что я узнал, что у меня есть сын, и не хотел потерять их обоих. Наши отношения оказались настоящим чудом, благодаря Селене я узнал, что могу быть другим, не таким бездушным монстром, которым меня все считали. Я полюбил Селену и Алекса всем своим сердцем. Но настоящим чудом было то, что они полюбили меня в ответ. Когда начались проблемы с этой сделкой, я не думал, что в этом замешана Селена. Но то, как вы встретили нас у нее дома, навело меня на такую мысль. А потом я пошел к ней и отнес ей контракт, чтобы она не подумала, что семья для меня ничего не значит. А что до вашего предложения, я его не приму, потому что у меня есть свое.

Селена услышала звук открываемого портфеля и шелест бумаг.

— Ты сумасшедший, Сарантос! — воскликнул Николас.

— Где ж тут подвох? — потрясенно спросил Дамон.

— Никакого подвоха, — спокойно ответил Арис. — Я подумал, что предложить Селене и Алексу

всего лишь часть моего состояния будет оскорбительным для них. Они значат для меня все в этой жизни, поэтому и заслуживают всего.

— Ты точно безумец, — усмехнулся Николас. — Я даже не подозревал, что ты являешься владельцем большей половины пакета акций Ди Джорданоса. Да тут еще куча компаний. Отец был прав. Ты первоклассный делец. И ты все это отдаешь Селене?

— Она заслуживает намного большего, — возразил Арис. — Мне нужна ваша помощь. Я все разрушил, и Селена вряд ли простит меня. Но я не смогу без нее. Я никогда не жил по-настоящему полной жизнью, пока не встретил ее. Эти дни, которые я провел вместе с ней и Алексом, стали самыми лучшими в моей жизни. Могу я рассчитывать на вашу помощь, чтобы вернуть Селену?

Селена не смогла больше сдерживать свои эмоции. Она влетела в комнату и остановилась перед Арисом. Он потрясенно посмотрел на нее:

— Селена... Я пришел, чтобы...

— Я все слышала.

— Ты подслушивала? — с улыбкой спросил Арис.

Прежде чем она успела сказать что-нибудь в ответ, в комнате появился Алекс и быстро пополз по направлению к своему отцу. С влажными от слез глазами Аристидес подхватил его на руки и крепко прижал к себе.

Селена не стала сдерживать свои слезы. Ей безумно хотелось броситься к нему в объятия и умолять, чтобы он больше никогда не отпускал ее.

Вдруг Арис поставил малыша на пол, а сам опустился перед Селеной и ним на колени:

— Ты согласишься... снова выйти за меня замуж?

— Да, да, любимый, — счастливо улыбнулась Селена.

Глядя на эту сцену, Дамон насмешливо фыркнул:

— Вы только посмотрите на них. Особенно на Сарантоса. Посмотрите, что с ним сделала любовь. Если я встречу какую-нибудь хорошенькую женщину, буду бежать от нее без оглядки. Не хочу оказаться в таком же положении.

Николас и Лизандрос кивнули в знак согласия.

— Вам следует упасть на колени и молить Всевышнего, чтобы это случилось и в вашей жизни, — насмешливо возразил Арис. — Тогда она будет чего-то стоить.

Дамон изумленно посмотрел на Селену:

— Подумать только, наша младшая сестра обладает властью над этим монстром, держит его на поводке и делает с ним все, что хочет.

— Да уж. Теперь придется воспринимать ее всерьез, — кивнул Лизандрос.

Николас внимательно разглядывал Ариса:

— Что волнует лично меня, так это, как нам привыкнуть к тому, что ты теперь наш зять, а не враг номер один.

— Да, это будет непросто, — согласился Дамон. — Мы не будем спускать с тебя глаз.

В эту секунду в комнату вбежал кот Селены Аполло, которого она оставляла здесь на время своего отсутствия в городе. Он направился к ним и довольно замурлыкал.

— Ну и дела! — захохотал Дамон. — Сарантос, может, нам и не придется следить за тобой. То, что Селена любит тебя, мне ни о чем не говорит, ведь любую женщину можно обмануть. Но любовь Алекса к тебе — это уже что-то. А теперь еще и Аполло. Коты, как лакмусовая бумага, являются самой лучшей проверкой. Если он так радуется встрече с тобой, значит, ты не так уж плох.

Все дружно засмеялись.

Селена оставила Алекса и Аполло со своими братьями, схватила Ариса и его «портфель самопожертвования» и потащила их наверх, в комнату, которая когда-то принадлежала ей.

Когда они вошли внутрь, она прижала Ариса к двери и набросилась на него с поцелуями:

— Я люблю тебя. Любимый мой, Арис, я так тебя люблю. Я всегда тебя любила.

Он крепче прижал ее к себе:

— Селена, любовь моя.

Арис взял ее на руки и отнес на кровать. На пол полетела одежда, сначала ее, потом его. Их обнаженные тела переплелись, чтобы никогда не разлучаться.

Но вдруг Селена оттолкнула его и поднялась с кровати. Она направилась к его портфелю, открыла его, достала оттуда документы и подбежала к бумагорезке, стоявшей у стола. Аристидес начал возражать, но все его протесты угасли, когда машина поглотила последний лист.

Аристидес встал и приблизился к ней:

— Это всего лишь одна копия из числа бесчисленных, которые я могу заказать.

Селена нежно поцеловала его:

— Не делай этого. Все, что мне нужно, это чтобы ты был моим и позволил мне быть твоей.

— Селена, я твой. Я принадлежал и буду принадлежать только тебе. — Он сжал ее в своих объятиях и жадно прильнул к ее губам. — А что касается того, чтобы быть моей...